

**Межрегиональный конкурс
для литераторов «Новые сказки Севера»**

номинация от 18 лет и старше

Макурин Денис, с. Холмогоры, Архангельская область

**«Новая история архангельских ремёсел, или «БяКа и Компания»
Сказочное исследование**

Содержание:

- Глава I Прекрасные погоды
- Глава II Все за ЗОЖ
- Глава III Свет побеждает тьму
- Глава IV Наука и искусство
- Глава V Цыплёнок табака
- Глава VI Медовый век
- Глава VII Скатерть самобранка
- Глава VIII Каргопольская игрушка
- Глава IX Северные жёнки
- Глава X Вечное лето
- Глава XI До моря-окияна
- Глава XII Пути-дорожки
- Глава XIII Мезенская роспись
- Глава XIV Птица счастья
- Глава XV Каждому свой угол
- Глава XVI Всякому мила своя сторона
- Глава XVII Новые сказки Севера
- Глава XVIII Артель «БяКа и Ко»
- Эпилог Наши дни

Глава I Прекрасные погоды

Баба-яга проснулась ни свет ни заря. Ну, как проснулась, чёрный кот по кличке Вакса на окно избушки запрыгнул и начал по стеклу скоблить, в дом проситься:

– Мяу! Мяу-у!

Яга сначала разворчалась:

– Пришёл, окаянный. Явился не запыхался! – затем с печи слезла, глоток холодного чаю сделала и двери отворила.

Скрипнули старые петли:

– Уи-и-и-и-и!

Вакса, чуть не сшибая бабуся, вбежал в избушку и напрямиком к миске.

Баба-яга присела возле печи и стала напяливать резиновые сапоги на босу ногу.

– В лес пойду, уж коли встала в такую рань.

Кот оторвал морду от миски, облизал усы и спросил:

– А сметанки не найдётся?

– Кто долго гуляет, тот воду хлебает! Ишь, сметанки ему! Брысь мышей ловить, а я за грибами пошла, – сунула за пазуху волшебный клубок, накинула плат на голову, прихватила лукошко и вышла. С уличной стороны Яга к дверям метлу прислонила, мол – никого нет дома. Сделала глубокий вдох:

– Ах! Погоды-то нынче какие стоят – диву даёшься! – пару раз наклонилась, присела, разминаясь перед прогулкой, после чего отправилась по грибы.

Бродила по лесу часа два-три, никуда не спешила, наслаждалась пением птиц и ароматами трав. Насобирила при этом полкорзины. Тут тебе и красный мухомор, и поганка бледная, и навозник – хочешь так ешь, хочешь зелье вари. Урожайный год выдался, на все случаи жизни набрала.

Шла Ягуся, да всё вспоминала, как там средство от ушибов варится, сколько поганок по рецептуре нужно? Так увлеклась, что в куст упёрлась, а под ним заяц Шлёп-нога дремал. Косой решил, что по его душу пришли: то ли волк, то ли медведь. Со страху не разглядел. Выпрыгнул выше куста и наутёк! У Бабы-яги, от неожиданности, чуть инфаркт не случился, уж слишком заяц большой показался. Она схватилась за сердце и изо всех сил в другую сторону!

Бежала и всё думала: «Что енто за чёрт такой?! Какой-то новый вид, доселе не изученный? Отчего зубищи-то такие огромные?! Почто выше меня ростом? Никак, Леший озорничает! Вод ведь, окаянный!» Отскакав три версты и вконец запыхавшись, свалилась Яга под ёлку.

Отдышавшись, легла на спину, поглядела в бескрайнее синее небо и опять призадумалась: «Кто же енто был? Ведь чудом выжила-то! А что, если енто стадная животиная или стайная? И аппетит у них, как у энтих...как их там? А вспомнила – акул-каракул! И что питаются они не корой деревьев да кустарником, а молоденькими грибниками? А мне всего ничего – триста лет! Посчитай, и не жила совсем, да окромя леса-то ничего и не видела...»

– Неблагополучный райончик! – прокряхтела Яга. – Пора ближе к Кощею перебираться.

Присела, посмотрела в лукошко. Решила, что грибов и впечатлений на сегодня хватит! Достала волшебный клубок из-за пазухи, бросила вперёд себя, скомандовала:

– Домой, родненькой! – и пошла вслед за убегающей ниткой.

Глава II Все за ЗОЖ

В тоже самое утро, но уже на другом краю леса. Там, где тысячу лет назад земля ушла из под ног, и полчища рыжих тараканов вырвались на белый свет, а лесная опушка превратилась в каньон. Первые лучи солнца сначала обшарили рыжие скалы, потом процарапались в сырую пещеру и пощекотали Кощею нос. Кощей Бессмертный громко чихнул:

– Апчхи! – тут же открыл глаза и сам себе пожелал – Перцу мне в нос вместо мимоз!

После такого пробуждения он живо соскочил с кровати и принялся делать зарядку. Кощей, как и Баба-яга, придерживался здорового образа жизни. У них на этот счёт даже спор вышел – кто дольше проживёт. И вот уже сто лет

поряд Бессмертный начинает своё утро с зарядки:

– Делай раз! – присел Кощей, вытянув руки перед собой. – Делай два! – встал и опустил руки по швам. – Раз! – снова присел. – Два! – встал. – Раз! Два! Раз! Два! – и так десять приседаний.

Потом старичок сделал несколько наклонов вперёд, дотягиваясь до пола руками. Затем несколько плавных вращений туловищем, а под конец подогнул руки в локтях и приступил к бегу на месте. Пещеру заполнили звонкие хлопки: – шлёп, шлёп, шлёп, шлёп! – шлёпанцы хлестали то по каменному полу, то по пяткам Кощей, отчего старик развеселился и захохотал.

Недовольный филин по имени Чепомокля проворчал:

– Совсем из ума выжил на старости лет! – втянул голову и спрятался в самый тёмный угол.

Тем временем, Кощей Бессмертный, закончив зарядку, откатил огромный валун от входа в пещеру, вышел на свежий воздух, потянулся и довольно крикнул на весь Тараканий лог:

– Иии-э-эх! Хорошо-то ка-ак!

В Тараканьем логe и правда было хорошо – тихое местечко. Тысячу лет назад тараканы распугали людей и они, побросав свои жилища, разъехались за сотни вёрст. Это Кощей Бессмертный поколдовал и усатых прусаков из пещер выпустил. Но вы не подумайте, это он не из вредности, просто люди мусорить стали. То ломаное колесо от телеги у дороги оставят, то ветхое барахло в лесу выбросят, вот Кощей и осерчал.

После того, как он свои владения осмотрел, пение соловья послушал, обернулся к стене, смахнул ладонью пыль с таблички «Костерезных дел мастер», вернулся обратно в прохладную мастерскую.

В пещере Кощей развернул рулон из бересты, расстелил её на каменном столе, подобрал из очага уголёк и, почёсывая затылок, начал наносить эскиз.

Резьбой по кости Кощей Бессмертный занимался уже лет двести, и за это время чего только не смастерил: лешему – домино; шахматы – водяному; серьги – кикиморе; броши и бусы – Бабе-яге; искусный ларец, зайца, утку, яйцо и иглу – себе любимому. Ну, а в этот раз он задумал смастерить кубок для живой воды.

Увлёкшись чертежом, Кощей не сразу заметил, что возле входа появился Соловей-разбойник.

– Тук, тук, тук. – чуть слышно постучались. Так тихо и несмело, будто с вершины скалы сорвался небольшой камушек и, подскакивая на выступах, улетел в бездну.

Кощей, не обращая внимания на гостя, высунул язык и продолжал наносить плавные линии на полотно. Чепомокля, щурясь, выглянул из-за кровати:

– У-ух-х-х... – прокатилось по пещере.

– Бум, бум, бум! – в этот раз настойчивее постучал Соловей дубиной по стене.

– Кого там нелёгкая принесла?! – недовольно спросил Кощей.

– Это я, Соловей. Дело у меня к тебе, Кощеюшка, – прошепелявил разбойник.

– Вижу твоё дело. С дерева что ли упал?

– С коня-я, – присаживаясь на берёзовый чурбак, протянул Соловей. – Теперь вот месяц по лесам хожу, стоматолога ищу.

– Знаю я этого «коня», Ильёй Муромцем зовут. Ну, давай посмотрим, что там у тебя, разбойничий сын.

Соловей Рахматович открыл рот, а Кощей приступил к осмотру.

Через три часа мастер вставил все недостающие зубы Соловью-разбойнику – новые, крепкие, из отборного мамонтового бивня. Не спеша довёл он свою работу до безукоризненного блеска, натерев зубы мхом, дал наставление Соловью по уходу за ними: обмакивать еловую веточку в золу и шоркать два раза в день. После чего отправил разбойника восвояси.

Снова Кощей придвинулся к столу, посмотрел на незаконченный эскиз, но рисовать кубок уже не хотелось. Он прибрал своё рабочее место, свернул чертёж в рулон, принарядился в костюм, затворил пещеру валуном и отправился в гости к Бабе-яге.

Через неделю он вышел на поляну, где стояла избушка на курьих ножках. Кощей огляделся, отряхнулся от дорожной пыли и принялся рвать ромашки, складывая их в огромный букет.

Глава III Свет побеждает тьму

В то время, пока Соловей-разбойник зубы свои у Кощя ремонтировал, его друг Змей Горыныч сидел на берегу реки и замешивал глину хвостом: «Шлюм, вжух, шмяк! Шлюм, вжух, шмяк...»

Хвостом трёхголового верховодила всего одна треть Змея Горыныча, она уж давно что-то задумала. Остальная же часть Горыныча пока не знала, что именно. Поэтому две оставшиеся головы скучали да поочерёдно вздыхали:

– Э-э-эх... – кручинилась первая.

– Охо-хох... – тянула вторая.

Тут необходимо сделать небольшое отступление и пояснить, как Змей Горыныч оказался на берегу реки.

Когда-то, очень-очень давно, трянули на Куликовом поле русские князя Мамая с его войском. Бежала золотая орда без оглядки, спотыкаясь, бранясь и скидывая с себя оружие – только пятки сверкали. Поэтому ещё многие лета ржавели в степи: кольчуги, мечи и копья. Но это безобразие чинилось, пока Соловей Рахматович и Змей Горыныч не удумали извлечь из железа выгоду. Хорошенько пораскинув мозгами, порешили товарищи превратить всё то богатство в товары народного потребления. Перетаскали

оружие на берег реки, и с криками: «Свет побеждает тьму, мир победит войну!» – принялись его переделывать.

Соловью-разбойнику досталась нелёгкая работа по сортировке металлов и продаже готовой продукции на ярмарках. А так как у Змея Горыныча три головы и пламя, то он отвечал за выдумку и переплавку.

К слову, у первой головы получались славные утюги и самовары. У второй, отличные сковородки, горшки и прочая посуда. А вот у третьей, той самой, что замыслила из глины что-то лепить, ничего не получалось. Она за что не бралась – всё из рук вон плохо.

Правда, и у Соловья не всё так уж гладко да ладно шло, как может показаться на первый взгляд, ведь неспроста же разбойнику Илья Муромец наподдал! И тут я волей-неволей должен вам рассказать о лиходействах Соловья Рахматовича.

В нынешние времена Соловей, хоть и не занимался разбоем посреди дорог, но всё же грабил и сдирал с покупателей втридорога. Порой прикатит тележку на ярмарку, разложит самовары, кастрюли да утюги на прилавке, и давай свистом зевак зазывать:

Посмотри народ, что есть!

Мне всего не перечеть!

Ложки, плошки, черпаки,

Вилы, тачки, утюги!

Подождёт, когда народ внимание обратит, и опять:

Голодать не будешь боле,

Купишь козь посуды вволю!

В чугунках же славных наших -

От души запаришь кашу!

Ну, а как народ у лавки струдится, Соловей в суматохе кого обсчитает, кому сдачу не выдаст. Бывало так, что на медный пятак шапку накинёт, под прилавков монету смахнёт да руками разведёт – будто и не было ничего. Чаще всего, старухи да дети от его хитрости страдали, и поначалу разбойнику

казалось, что обманом многое возможно. Вот только, понял вскоре Соловушка, что переоценил свои возможности.

Получилось так, что он одного смышлёного мальчонку объегорил, а тот возьми да и смекни, куда Соловей медяки смахивает. Мальчонку того Ивашкой звали, и был он Илье Муромцу родным сынком. Ванюшка всё отцу рассказал, как разбойник народ околпачивает, да каким нечестным манером торговлю ведёт. Пошёл Илья поглядеть, что за пройдоха у них в городище объявился. Понаблюдал из-за толпы, а как заприметил, что Соловей пятак шапкой накрыл да в закрома потянул, за руку его поймал и зуботычину разбойнику выдал. Силушку, правда, не рассчитал – кулачищи-то у него всё-равно что гири по полпуда.

Так и оказался Соловей Рахматович на приёме у Кощея Бессмертного, а наш Змей на условленном месте его дожидался.

Вот тем временем, третья голова хвостом глины и намесила. И пока суть да дело – лапами что-то там налепила. Покатала, покрутила, потом соломинкой дырочки просверлила и пламенем поделки обожгла. Получились какие-то маленькие фигурки: уточки да козочки.

Первые две головы третью на смех подняли, что, мол, за бирюльки.

– Несерьёзный ты человек! – сказала первая.

– Всё в игрушки играешь, – расхохоталась вторая.

А третья голова фигурку к губам поднесла да дунула слегка, и полилась вдруг мелодия над рекой. Зазвучало по округе: «Фью, фью, фью!» – Змей Горыныч только и успевал пальцами дырочки открывать да закрывать. Первые две головы так удивились, что чуть совсем не отвалились, с трудом себя удержали. Правда, в толк так и не взяли – откуда у третьей эти способности музицировать появились.

Кощей Бессмертный поднялся по ступенькам. Взмахнул правой рукой, чтобы постучаться, но в последнюю секунду передумал. Вместо этого он прислонился ухом к дверям, пытаясь узнать – в каком настроении Баба-яга.

Внутри избушки кот Вакса супничал щами, при этом настолько увлечённо, что сам не замечал, как он громко и неприлично почмокивает да причавкивает. Правда, вылавливая кусочки мяса, он ещё умудрялся отдуваться от нелюбимого жареного лука, и когда Кощей наострил ухо, то услышал очень странные звуки: «М-mmm, ням-ням, ффф, фу-ф, птьфу!» Кощей немного удивился, но решил, что Яга, скорее всего, чаёвничает. После этого он поправил галстук, махнул рукой – была, мол, не была, а там увидим – отворил дверь и уверенно шагнул за порог.

Дверь пронзительно заскрипела:

– Уи-и-и-и-и!

В избушку ворвался солнечный свет. Вакса шмыгнул за печку, опасаясь неладного. Баба-яга сидела перед зеркалом и зачем-то посыпала себя мукой. Когда она обернулась на скрип, Кощей остолбенел.

Постепенно облако муки рассеялось, и навстречу к Бессмертному вышла не дряхлая старушка, а помолодевшая до двухсот восемнадцати лет Ягодка-Яга.

– Вот, волшебную пудру наколдовала, – сказала Яга, подхватила у Кощя букет и, прижимая ромашки к лицу, закружилась в вальсе.

Сделав пару кругов, она остановилась возле печки, сняла крышку с бурлившего котла, размахнулась и бухнула туда всю охапку.

– Я ведь, Кощеюшка, тут целую серию косметики задумала: «Навралин» называется. Только мне твоя помощь понадобится.

Кощей молча присел за стол.

– Тушь для ресниц, духи, румяна, пудра – для всего этого бутылочки, коробочки, колбочки нужны. А ты у нас искусный мастер резьбы по кости. Сдюжишь ли, родненькой?

Кощей Бессмертный подпер подбородок рукой и, не отрывая очарованных глаз, выдохнул:

– Сдюжу, ягодка!

– Наука и искусство – это так романтишно! – радостно воскликнула Яга. – А я ведь и название нашей компании уже придумала «Баба-яга и Кощей», – подумав немного, добавила. – Сокращённо «Б-я и Ко».

– «БяКа», – поправил Кощей.

Глава V Цыплёнок табака

Три дня лил дождь. Соловей-разбойник сидел в шалаше, бренькал на двухструнной домбре и пел унылую песню «Хромой гусь». На берегу, продрогший до костей, лежал Змей Горыныч, он время от времени стряхивал холодные капли со своей чешуи и жалобно поскуливал. Неожиданно, на ветку старого дуба плюхнулся Чепомокля. Мокрый филин шумно похлопал крыльями, обрызгав Горыныча, начал громко отдуваться:

– Уф-фуф-фу! Вторую неделю по лесам вас ищу.

– Ух ты! Еда! – обрадовалась первая голова Змея Горыныча.

– Кто, я?! – удивился Чепомокля, и его сощуренные глаза округлились.

Тут же оживилась и вторая голова, она нащупала за спиной рифленую сковородку и предложила:

– А давайте сделаем цыпленка табака! С чесночком, перцем и пряностями...

– Это меня-то с чесночком и пряностями?! – и филин на всякий случай перелетел повыше.

Тут Соловей отложил музыкальный инструмент и вышел из шалаша:

– Никого мы есть не будем! Если вы птицу обидите, Кощей сам из вас консервы сделает!

Молчавшая до этого момента одна третья Змея Горыныча пребольно боднула вторую голову в шею, а первую огрела той самой рифлёной сковородой:

– Да из них давно пора! – закричала она. – А меня на консервы нельзя, я ещё молодой растущий организм!

У первой головы всё закружилось и завертелось перед глазами, ей стало так легко и щекотно, как будто внутри порхали бабочки. Она села на песок и чуть слышно пролепетала:

– Ой! Радуга...

Вдалеке и правда вспыхнула радуга, но на это никто не обращал никакого внимания. В то время, пока вторая и третья головы грызли друг друга, выясняя: от кого и в самом деле не мешало бы избавиться, а кто ещё в хозяйстве пригодится – Чепомокля рассказывал Соловью, для чего он так долго их искал.

А первая голова всё смотрела и смотрела, то на радугу, то куда-то за горизонт и всё не могла налюбоваться. Потом она вдруг взяла маленькую веточку, выровняла перед собой песок и стала записывать странные строки:

«Водная гладь, только яркие блики в глазах.

Отшумела гроза, вновь вернув нам прекрасное лето!

Удержать бы волшебное это мгновенье в руках,

И за речкой настигнуть мечту,

что в моей голове сковородкой пригрета!»

– Поэт! – сказал Чепомокля.

– А ну-ка, запрягайся в телегу, молодой растущий организм! – проорал Соловей. – Некогда тут баклуши бить, когда Кощею с Бабой-ягой наша помощь нужна.

Глава VI Медовый век

В Бабу-ягу, и так-то шальную, с того самого момента, когда она серию косметики «Навралин» выдумала, как будто бес вселился – закружилась по избе с утра и до вечера. То она сажу из трубы выгребет, чтобы тушь для ресниц наколдовать. То свеклу для румян на тёрке измельчит. Бедный кот устал до кощева логова с поручениями бегать. А Яга всё никак не угомонится и командует:

– Принеси то...

Вакса – одна нога тут, другая там. Присесть не успел, а Яга ему:

– Принеси это...

Исхудал котяра, шерсть облезла, на лапах мозоли натоптал. Взмолился было:

– Ушицы бы из ершей, али хвостиком вяленой щуки перекусить! В брюхе-то уж неделю пусто.

Да только Яга его метлой со двора:

– Брысь до Кощея! У меня пудреницы закончились! По пути мух да кузнечиков наловишь, вот тебе и перекус.

Мотался Вакса недели три, пока не смекнул, что можно и в лесочке отсидеться. Так рассудил: «Если Яга считает, что она меня кормит, то пусть думает, что я работаю». Завалится под кусток, выспится вволю, потом морошкой да брусникой полакомится, и только тогда задание выполнит. А у Яги из-за того, что Вакса филонить начал, производство остановилось: пудра в мешках накопилась, румяна в кадках, помада в кастрюлях. Складывать-то некуда!

Один раз душа не выдержала, оседлала Яга ступу, и сама до Кощея слетала. Так бы и летала, только много ли на себя взвалишь, возраст не тот, больше полпуда не утянуть! Да и колдовать когда? Решила: «Зачем мыкаться?! Надо самой перебраться в логово к Кощею, чтобы время на перелёты не терять. Тем более ещё месяц назад переезд планировала, а тут случай удобный подвернулся». Косметичка на курьих ножках своим ходом отправилась, а Яга Ваксу под мышку, в ступу запрыгнула и – Вшить!

Лаборатория только через неделю в Тараканий лог притопала. Яга к тому времени у Кощея в пещере обустроилась, места-то у него много было. Ну, а как избушка явилась – всё опять закружилось. Днём Яга в лаборатории колдовала, зелья различные варила. Кошей футлярчики да тюбики для помад точил. А вечером костяная нога по пещере косметику расставляла, а всё лишнее на улицу выносила. Пудры в трапезной по углам и полкам раскладывала, помады в ванной, румяна в спальне под кроватью да в шкафу. Куда не взгляни, всюду готовая продукция со штампом ООО «БяКа». Вскоре вся пещера под завязку была, даже Кошею негде пристроиться. Пришлось ему во дворе навес от дождя и солнца строить и под ним работать.

Как-то вечером плюхнулась уставшая Яга в плетёное кресло, а Кошей уж ей горячего чаю поднёс. Яга взяла кружку, оттопырила мизинчик, сделала глоток и начала мечтать:

– Вот продадим нашу косметику, денег накопим, и ну её, тайгу эту! Что мы тут не видели – ёлки да комары. А в прошлом месяце на меня из кустов Леший выскочил, чуть до инфаркту не довёл, – и Яга сделала ещё глоток чаю, шамкая и причмокивая тонкими губами.

– Сбрендил Леший-то. Одичал!

– Отправимся с тобой, Кощеюшка, на Карибские острова. Поживём как люди на старости лет. Под пальмами полежим, в море-окияне искупнёмся. Устроим себе медовый век.

А Кошей ещё чайку подлил и головой закивал:

– Поживём, ягодка. Отчего ж не пожить-то! И Чепомоклю с Ваксой с собой прихватим, мышей-то они поди-ка и там себе сыщут.

Глава VII Скатерть самобранка

Пока Соловей-разбойник на Горыныче с Куликова поля до Пинежья добирались – десять дней минуло. В пути исхудали пуще прежнего,

поистрепались, конечно. Соловей побледнел как манная каша, на рубахе нитки просвечивали, а у Горыныча чешуя поблёлкла, он почти весь обесцветился. Чепомкля днём на телеге дремал, ночью в полях мышей ловил. Соловью с Горынычем угоститься предлагал, но те почему-то отказывались.

Змей Горыныч больше всех отощал, но как говорится – не унывал и нос не весил. Наоборот, чтобы от скуки не завывать, всю дорогу стихи, сказки да песни слагал. Нет-нет, да как загорланит:

– Я не конь, и не бык,
И не пинежский мужик!
Змей Горыныч я из сказки,
Соловья везу в коляске!
Едем «БяКу» выручать,
Тушь и пудру продавать!

А Соловей подыгрывал на домбре и звонко брэнчал по струнам:

– Цынцы-брынцы! Шум-ветум! Треньки-бреньки, бум-бурум!

Чепомкля от этой самодеятельности вперёд улетал, не любил он шутовство. Поэтому и в Тараканий лог первым прилетел. Уселся на ветку и проворчал:

– Едут ваши цыгане. Через день придут.

Баба-яга ухо к земле приложила и довольнѐхонькая закудаhtала:

– Чуфыр, чуфыр! Слышу родненьких! Чую соколиков! – встала, отряхнулась и побежала пирог с еловыми шишками стряпать.

На следующий день Соловей на Горыныче, будто на тройке лошадей, в Тараканий лог вихрем ворвались.

– Тпр-р-р! – еле сдержал Соловей свою трёхголовую лошадь. – Куда прѐшь, мерин, станция конечная!

Спрыгнул с телеги, а тут и Баба-яга с Кощеем Бессмертным хлебом-солью встречают:

– День добрый, дорогие земляки! Милости просим в Тараканий лог! – и бухнулись гостям земным поклоном. Правда, не подрастчитали маленько и лбами о землю-матушку приложились. Но не шибко, тут же ссадины зажили. Зато чудо действие косметики налицо, и Бабе-яге не пришлось долго рассказывать, как её волшебство работает.

Целую неделю Баба-яга гостей откармливала. Блюда в большом количестве подавались. С утра скатерть-самобранку расстилали и только после заката солнца хлебосолку сворачивали. На завтрак каши ели, блинчики с мёдом, гречишники с Куликова поля, оладьи с красной икрой, пирог кислый с сыром. В обед похлёбку с потрошками, щи с солёными ужами, уху из стерляди с шампанским, суп из рябчиков с раками, жареного дикого кабана, лосятину с чесноком, поросёнка с трюфелем, редиску в утке. На закуску рыбку, конечно, сельдь молодую, судака сладкого, стерлядь вятскую, севрюгу с зелёным горошком, форель под лопушком, утря с хреном, маринованную налиమ్ью печень. На десерт торт из калёных орехов, пирог пёстрый с брусникой, малину садовую, черёмуху гроздьями. Запивали всё рябиновым киселём, да морсом из волчьей ягоды. А на ужин подавали заливного индюка, тефтели с крапивой, котлетки ленивые, биточки капризные с лучком. В нарезку огурцы, помидоры, свеклу. Ну и квасок – разгони тоску.

Кот Вакса тоже не зевал и уплетал всё подряд. Особенно уважал сметану. Он радостно слизывал её с блюдца, причем, в первую очередь кормил подбородок, от этого у него появлялась белая борода, и все вокруг гоготали как гуси. А на пятый день Змей Горыныч над Ваксой так рассмеялся, что упал на траву, вдохнул случайно одуванчик, расчихался, и скатерть самобранку пламенем опалил. Сгорела хлебосолка за считанные секунды, только её и видели.

Пока Соловей Рахматович и Змей Горыныч сил набирались, Яга с Кощеем пещеру косметикой под завязку забили. Но это ничего, красота «Навралин» пользовалась спросом по всей Архангельской губернии – от Печёрского уезда до Онежского. Лучше всего разбирали на большом торгу в самом Каргополе. Всё скупали – кто тушь, кто пудру, кому румяна приглянулись. Чего и говорить, Соловей-разбойник тёртый калач – торговля ходко шла. Урок от Ильи Муромца он, правда, тоже усвоил, не жульничал теперь. Да и Змей Горыныч не только телегу с товаром возил, но ещё и зевак развлекал. Присказки да прибаутки на радость публики рассказывал. А порой такое колёнце выкидывал – все со смеху в траву падали. Поэтому-то и от покупательниц отбою не было.

На том же каргопольском торгу Змей Горыныч новую игрушку выдумал. Обычно-то он донские свистульки дарил, но в Каргополе те закончились. Горыныч тогда с обочины красной глины зачерпнул и на ходу стал лепить, что в голову взбрёт. Когда-то давно мужичка в лодке видел – слепил. А на прошлой неделе медведь в кустах малину рвал – он и косолапого вылепил. Однако, когда вспоминал, кто как выглядит, в головах у Горыныча путаница произошла. Поэтому получилось, что мужик в лодке куст малины в руках держал, а медведь – огромную рыбину. Свои поделки Змей Горыныч тут же за прилавком пламенем обжёт, красками расписал и на торгу раздарил. Правда, дети сразу заметили, что игрушки-зверюшки больно чудные, то козлик в мужицкой рубахе с балалайкой, то двойной чудо-конь. Но ребятам вся эта чехарда даже очень понравилась, и с тех пор они сами такие игрушки лепят. Скатают в руках шарик из глины, тут прищипнут, там подвернут, потом в печи обожгут, а как остынет, разукрасят известью да сажей, вот и получилась потешная игрушка – каргопольская. У кого заяц с балалайкой, у кого конь тяни-толкай – хочешь на торгу продай, хочешь сам играй.

Глава IX Северные жёнки

Косметику быстро раскупили, только на том спрос и закончился. Краситься-то на Руси некогда было, разве что разок по особому случаю. Но и того раза хватило с лихвой: раз причепурились – и до глубокой старости красавицы. Да и после красота никуда не девалась, из поколения в поколение передавалась. Про румяна да пудры и вовсе забыли. Но, видимо с того времени так и идёт, что краше северных жёнок не сыскать на всём белом свете – волшебство да и только!

Когда все земные тропки-дорожки исходили, последние пудреницы распродали, а Кощей пересчитал накопленное золото в сундуках, Баба-яга решила, что хватит чахнуть и пора отправляться в запланированное путешествие. Для начала они решили плот связать и до Холмогорского уезда по Пинеге реке спуститься. А уж там купить корабль и отправиться по морям-окиянам на Карибские острова. Чепомокля и Вакса как услышали, что до островов по воде добираться, решительно отказались лезть на плот.

– Я вас здесь подожду, – промяукал Вакса.

– Угу! Будем Тараканий лог от непрошенных мышей охранять, – добавил филин.

На сборы потратили два дня. Змей Горыныч сосны валит и в реку стаскивал. Соловей Рахматович стволы между собой связывал. Кощей Бессмертный закончил эскиз кубка для живой воды, и уложил инструменты в походный ящик. Баба-яга копошилась дольше всех, как и положено светской сударыне, отбывающей в дальние края:

– Пачпорт-то! Пачпорт-то взял, Кощеюшко?!

– Взял, ягодка!

– А шляпку?!

– И шляпку.

– Надо платьёв-то поболее взять, – ворчала Яга. – Он же меня по театрам поведёт. Два сундука, думаю, хватит. Или всё-таки три?

– Бери три, ягодка!

Когда последняя авоська была на плоту, друзья присели на дорожку. Потом встали, обнялись на прощанье и трижды поцеловались. Баба-яга уселась на сундук, и, болтая ножками, стала грызть баранку. Кощей надел капитанскую фуражку. Соловей-разбойник оттолкнулся от берега шестом, а Змей Горыныч принялся вращать и лупить хвостом по воде, развивая реактивную скорость, равную бегу улитки. Хорошо ещё, по течению пошли, а то бы ещё век от берега не отошли.

Через шесть дней плот со сказочными туристами причалил под крутым бережком.

– Наконец-то, Холмогоры, – протянул уставший Змей Горыныч.

Глава X Вечное лето

Остановились на постой у купца Осипа Валерьяновича, по прозвищу Хитрый-глаз. Он, конечно, судостроитель был знатный – все его кораблики на слуху, но и хитрый мужичок.

– Нам бы «Летучий корабль»? – спросил Кощей.

– «Летучие» все разобрали! Но вы не расстраивайтесь, я вам поморский коч срублю! Настоящее парусное судно ледового класса, это вам не какая-нибудь там сказочная скорлупка! По морю, как по небу пойдёте! – сказал Хитрый-глаз, и тут же взял с путешественников денег наперёд: полную меру на строительство коча, полмеры за жильё. Но и это не всё! Он их ещё и к работам по хозяйству привлёк. Не успели приятели с дороги обустроиться, а Хитрый-глаз уже распорядился:

– Ты, длинноус, на своей трёхголовой лошадке листовницу из леса на верфь привези. А ты сударыня, отмеряй пятнадцать шагов полотна, да

обрежь его на три холста и парус шей, – посмотрел на сухонького старичка с седой бородкой, махнул на Кощея рукой. – А ты, отец, не путайся под ногами.

Змей Горыныч лиственницы накорчевал и на водяную мельницу свёз. Там Соловей-разбойник стволы на доски распилил и на верфь передал. А уж на берегу Хитрый-глаз командует:

– Яшка, шпангоуты крепи! Олешка, кряжи вяжи! Эй, черти, пошевеливайтесь, бимсы крепче сшивай! Обшивку плотнее, и швы смоли не жалей! Мачту ровнее!

А в ответ только и слышно – Тюк! Тюк! Бзынь! – топорики звенят.

Пока парус на рею снаряжали, Змей Горыныч якоря отлил. В общем, за неделю судёнышко справили.

В то время, когда коч на верфи строился, Кощей тоже без дела не сидел. Достал из ящика свой инструмент и за кубок принялся. С утра и до вечера трудился, цветущие поля и неведанные края вырезал. Кто подходил, диву давался – Ну до чего же тонкая работа! По всему кубку цветы и листочки прорезаны, лето будто живое. Оно и взаправду так было, кубок-то для живой воды точился, вот и лето настоящее вышло!

Осип Валерьянович когда кубок увидел – глаза загорелись:

– Царская вещица! Уступи, Кощей, он вроде тебе и ни к чему!

– Как это ни к чему? Вечная штучка. Для живой воды творил.

– А на что тебе живая вода? Я слышал, будто тебя Бессмертным кличут.

– Э-эх! Забирай, приставоха! – махнул Кощей. – Что я себе, другой не сделаю что ли?!

А Хитрый-глаз и рад радёхонек. К тому же, Кощей про «Навралин» вспомнил: «Нашей пудрой обмахнёшься раз – одну свою жизнь ещё на три бессмертные жизни продлишь».

Судно назвали «Килька». Баба-яга прислонилась ухом к борту, послушала и сказала:

– Карахтер у него такой – мал да удал!

Все и согласились – «Килька» так «Килька», пусть будет! Под залпы береговых пушек – Бах! Ба-ба-бах! – спустили коч на воду, как по протоколу положено. Подняли парус, и снова пошли вниз по течению Северной Двины.

Когда гости отчалили, Хитрый-глаз кубок под стеклянный колпак разместил, и со всех желающих за погляд по червонцу собирал. И народ-то вначале охотно шёл:

– Это ж надо, «Вечное лето»! Грех не полюбоваться.

Но потом заточили свои стамески, резцы, да лобзики и сами стали художественной резьбой по кости промыслять. Сначала на коровьей кости резьбу освоили, а зимой уже по кости морского зверя работали, моржа-то много добывалось. Через год даже царские ларцы орнаментом из веточек и ягодок украшали. А через два, волнистые линии холмогорских мастеров узнавали не только на Руси, из-за рубежа за шкатулками купцы приходили.

Глава XI До моря-окияна

Целый день бежал кораблик по течению Северной Двины, и только к вечеру показалось Белое море. Кощей Бессмертный стоял у штурвала и подруливал судном, Соловей-разбойник дремал, угнездившись в смотровой корзине, а Баба-яга стряпала на камбузе. Каждый был занят своим делом, когда Змей Горыныч разглядел в подзорную трубу небесно-васильковый горизонт.

– Море! Море! – закричала сначала одна голова, потом другая.

Его лапы выхватывали подзорную трубу друг у друга и подставляли её то к левому глазу правой головы, то к правому левой. А третья приставила свой хвост, словно козырёк, и спокойно любовалась тем, как вдалеке синее небо склон.

– Раздольем пахнет, – втягивая солоноватый воздух, прокряхтел Кощей.

– Вот и дошли до море-окияна, – выдохнула Баба-яга. Поправила, подвязала покрепче платочек на голове, села на сундук и добавила. – Теперь уж до счастья маленько осталось...

Соловей-разбойник расставил руки и представил, что летит. Ветер щекотал ему лицо, развивал длинные усы и охлаждал босые ноги. Над головой у него было бескрайнее небо, а за бортом зелёно-голубое море. Навстречу проносились ослепительно белые облака, они отражались на водной глади, и от этого казалось, что корабль парит где-то между стихиями.

Когда «Килька» покинула устье Двины и вышла в открытое море, на тёмно-синем небе выглянула первая любопытная звёздочка. А после позднего ужина команда снова высыпала на палубу, но теперь они смотрели не за горизонт, а вокруг. Куда ни взгляни, всюду было усеяно серебром. Все держались за фальшборт, и то задирали головы вверх, то смотрели на отражение звёзд в море, и дружно ахали – ни в тайге у Кощея, ни в степи у Соловья-разбойника таких ночей не было. Ни Змей Горыныч, ни Баба-яга тоже подобного не видели, чтобы – небо и сверху, и снизу...и звёзды... звёзды... звёзды... Как будто корабль и не в море вовсе, а во вселенной завис.

На следующий день погода круто изменилась. Уже с утра подул сердитый северный ветер, море забеспокоилось и стало ударяться о борт коча. К слову, на Севере всё время что-то растёт: зимой – это сугробы, весной – сосульки, летом – одуванчики, а в море – непременно волны. Поэтому к обеду поморский коч уже не раскачивался, а подпрыгивал и занывал в тёмно-зелёную бездну. Огромные солёные волны окатывали палубу, трепали снасти, заглядывали в трюм корабля и шипели... шипели... шипели...

Соловей-разбойник привязал себя к корзине, вставил пальцы в рот и раздувая щёки свистел, раззадоривая шальную бурю. Кощей Бессмертный

мужественно стоял у штурвала и правил «Кильку» против волны. Баба-яга, привыкшая путешествовать в избушке на курьих ножках, спокойно дремала в капитанской каюте. И только Змей Горыныч уныл, обмяк и стал зеленее зелёного. Морская болезнь схватила его за три горла, и он сидел на палубе, ухватившись за мачту, и просил о пощаде.

Так страдал он полдня, и всё гуляло ходуном у него под ногами, болталось и раскачивалось из стороны в сторону перед глазами. Тошно было Горынычу до изнеможения – то одна голова кружилась, то другая. К полудню он уже не понимал, что именно движется перед ним – небо или море.

– Земля! Земля! – вдруг закричала сначала одна голова, потом другая, а лапы то хватались за мачту, то тянулись в сторону показавшегося на горизонте песчаного берега.

Глава XII Пути-дорожки

Когда поморский коч врезался носом в отмель, Кощей сбросил якорь и трап. Все сошли на сушу. Соловей-разбойник осмотрел крутой, обрывистый берег и громко присвистнул:

– М-да! Ни тебе пальм, ни жаркого солнца!

– Интересно, где это мы? – спросил Кощей Бессмертный. – Хоть и песок, а на Карибы не очень-то и похоже!

– Знамо где, где надо, там и есь! – проворчала Баба-яга. – Сейчас вон в той избушке поспрашаем, – и она указала на рыбацкую хижину.

И только Змей Горыныч был несказанно рад, ему было всё равно, где они очутились. Он лежал на холодном песке, целовал его и, рыдая, бормотал:

– Земля! Земля-матушка. Ни на что тебя не променяю. Никакие заморские страны мне не нужны. Никакие моря-окияны...

Увидев трёхголового – рыбака перекрестился. Такое чудо-юдо штормом ещё не выбрасывало. Звали рыбака Акиндин, он то и рассказал путешественникам, что не так уж далеко от Холмогор они и отошли. И что прибило их к Мезенской земле.

Три дня лечили Змея Горыныча от Морской болезни. Ровно по дню на каждую голову. На четвёртый отпоили-таки горячей похлёбкой с таракаными порошками, и к полудню он уже резвился словно ребёнок. На следующий день всё было уложено на поморский коч, и можно было бы продолжать путешествие, но Горыныч наотрез отказался подниматься на борт корабля.

– Дальше вы без меня, – сказала одна голова. – Не водоплавающие мы!
– добавила другая. – Я домой пойду. Прощайте, друзья, – выдохнула третья.

Соловей разбойник не ожидал такого поворота событий, но как ни манило его загадочное путешествие и бескрайнее море, с Горынычем расставаться он не захотел.

– Куда же ты без меня? – протянул Соловей. – Вместе пойдём, а то пропадёшь.

Так и разошлись пути-дорожки: Соловей-разбойник и Змей Горыныч отправились по тропе на Слободу, а оттуда по тракту на Пинежье в Тараканий лог; Баба-яга и Кощей Бессмертный поднялись на «Кильку» и под белым парусом пошли к заветной мечте.

Глава XIII Мезенская роспись

Соловей-разбойник и Змей Горыныч от рыбацкой хижины с десятков вёрст отмахали, как вдруг на поле им дикие лошади повстречались. При виде коней нахлынули на Соловушку воспоминания, окатили его словно морская волна во время шторма. Вспомнилось Соловью его детство, и кочевая жизнь, и степи, и свободно пасущиеся табуны. И любимый конь Шайбурул, и то, как

он впервые объезжал своего скакуна, и как мчался на нём без оглядки, и что был он кротким, дружелюбным и самым верным конём. Загрустил Соловей, затосковал. Уже ни о чём и не думалось, кроме лошадей. Засыпал по ночам и сквозь сон всё звал своего бегуна:

– Шайбурул, Шайбурул...

Долго шли Соловей и Горыныч, сотню вёрст исходили. Одна голова всё стишки сочиняла:

– Койда, Майда, да Ручьи – деревеньки хороши!

В каждой хате угощают кулебякой от души.

А Соловей, где ни останутся, всё длинноногих лошадок рисует. То на земле веточкой выведет, то на дереве ножичком вырежет. Потом Змей Горыныч рисунки заметил, оценил:

– Хороши лошадёнки! Быстроноги, – и тут же придумал, как Соловью помочь грусть-печаль разогнать.

Набрал красной глины на берегу реки Мезень, обжёт её, после в порошок истолок, да в берестяном туеске с водой развёл. Из гусиных перьев кисточек наделал и Соловью подарок преподнёс:

– Рисуй теперь, Соловушка, на века!

Так и пошло, что впредь Соловей с кисточками да красками не расставался. Остановились в доме у Иван Иваныча переночевать – всю посуду лошадкама украсил. Отобедали в земской избе – там теперь на деревянных кадках красные кони воду пьют. Отдохнули в кружевном дворе – на прялках быстроногие в поле скачут. У Капустиных от дождя укрылись – на бочонках, коробах, да солонках пышногривые траву щиплют. По всему Мезенскому уезду прошли, в каждую деревеньку заглянули и всем-то Соловей-разбойник красных лошадок рисовал: кому сундук распишет, кому посуду, а в Кимже и вовсе купеческий дом целиком конями украсил.

Крестьянам лошадки понравились, да и краска дело нехитрое – сами стали рисовать. Правда, с тех пор мезенская роспись богаче стала, помимо

коней – узоры, птички да олени появились. Но лошадок всё же чаще рисуют, они и по сей день быстроноги, и ветер поныне ласкает им гривы.

Глава XIV Птица счастья

Тем временем, в родной стороне Чепомокля и Вакса тоже не скучали.

Заяц по имени Шлёп-нога ворвался в Тараканий лог. Заглянул в пещеру, там темно и тихо. Подбежал к избушке на курьих ножках, подпрыгнул, повис на окне, заглянул через стекло – никого! Тогда он под навес шмыгнул, где Кощей перед отъездом мастерскую устроил, на стол запрыгнул и ну лапами тарабанить:

– Тр-р-р-рам! Та-ра-рам! – потом лапы рупором сложил и давай на помощь звать. – Помогите, люди добрые! Тону! Помогите!

Дверь у избушки отворилась. – Уи-и-и-и! – на крыльцо вышел заспанный кот:

– Чего орёшь! Порядочным котам спать не даёшь!

– Угу! – выглянул из пещеры Чепомокля. – Не даёшь!

– Помогите! – взмолился Шлёп-нога. – Леший в болоте утоп!

Все разом побежали спасать лешего, даже филин разогнался как петух, вытянув шею – забыл, что летать умеет. Потом, правда, вспомнил, замахал крыльями, полетел.

– Как, совсем утоп-то?! – поинтересовался на ходу Вакса.

– Только уши торчат! Грибников малость попугать хотел. Водил их кругами, водил, и сам в трясины угодил. Выручайте, братцы!

– Вот правильно говорила Баба-яга: «Чем кого взыщешь – и себе то сыщешь! Зло всегда возвращается к тому, кто его посеял», – промяукал кот.

Когда спасатели прибыли на место, из болота только нос торчал.

Чепомокля подлетел, слегка потянул – над трясиной полголовы показалось.

Тогда он перехватился и за уши лешего подвыдернул. А лешья голова чуть от тины отплевалась и давай благодарить:

– Спасибо тебе, птица счастья! От гибели спасла!

– погоди, не вытянул ещё! – и филин сильнее захлопал крыльями.

А уж когда у Лешего руки на поверхности оказались, Шлёп-нога и Вакса ему берёзку подогнули. Тогда-то Леший и сам оставшегося себя из болота вытянул.

Отдыхались, прибрели обратно в Тараканий лог. Вакса в избушке печь затопил, Лешего просушить, прогреться – уложил. Ну и Шлёп-ногу из былых запасов капустой накормил. Леший полдня и всю ночь на печи проспал, утром как огурчик встал. Потянулся, вышел из избушки, обошёл Кошечевы владения – осмотрелся. Подобрал два еловых чурбачка, взял под навесом инструмент, какой был. Из одного полешка тело птицы выстрогал: шею, головку, спинку, хвост. На втором чурбаке стамеской узор выбрал, тонко-тонко заготовку на дранки расщепил, так у него будто бы пёрышки вышли. После этого он каждое пёрышко стал подкручивать, отгибать и поочередно одно за другое в замок крепить. Работа тонкая шла, пёрышки почти прозрачные и хрупкие, словно стеклянные – чихни, всё и сломается. Затем он расправленные крылья льняной ниткой для крепости обвязал и к спинке приладил. Так у него и птица, не птица получилась, а будто ангелок. Напоследок Леший по центру шнурок продел и под потолок птичку повесил.

Потом он и зайца выстрогал, и кота. А птичку всё же первой, и красочней она получилась, праздничней. Когда все проснулись, Леший спасителей отблагодарил, каждому фигурку подарил. Но все птицей залюбовались:

– Вот так красота! – промяукал Вакса.

– Всамделишная «Птица счастья» получилась! – восхитился Шлёп-нога.

– Угу! – только и смог вымолвить Чепомокля. У него от восторга дыхание перехватило. Птица-то и правда радость-свет излучала, счастье дарила.

Глава XV Каждому свой угол

Баба-яга, когда они снова в море вышли, в сундук занырнула, весь свой скарб переворошила и волшебный клубок откуда-то со дна выудила.

Подышала на него, пыль поотряхнула, придвинула к губам и шепнула клубку на ушко:

– Дело у меня до тебе сурьёзное. Ты милоч, будь так любезен, укажи нам путь на Карибские острова, там хде притаился счастья бережок Барбуда, – и бросила его на палубу.

Клубок по палубе покатался, вокруг мачты пару витков сделал и сам собой привязался. Это он такую хитрость выдумал, чтобы за борт не свалиться. Потом от мачты откатится на метр, путь-дорогу укажет, подождёт, когда Кощей Бессмертный судно выровняет, и обратно свернётся, чтобы под ногами не путаться. И так он до самого острова Барбуда, государства Антигуа, будто бы компас, направление задавал.

Тем временем, пока Кощей и Баба-яга на остров добирались, Леший и Шлёп-нога в Тараканьем логе обосновались. Леший-то плотник мировой оказался, не только игрушки искусные мастерил, запросто топориком дом себе срубил. Избу светлую, просторную, да без единого гвоздочка. Попутно и избушку на курьих ножках починил:

– Да не лягайся, ты, куриная твоя душа! Дело делаю, крылечко да перила латаю, а то, не ровен час, свалится бабка. Кто тогда твои полы от пыли обметать будет да окна мыть?! Этот лодырь блохастый, что ли? – и он указал топориком на Ваксу.

– Зря мы его так быстро из болота вытянули, – фыркнул кот. – Надо было подольше подержать. Раскомандовался тут, понимаешь.

К тому времени, когда Леший дверные петли смазал, ветхие ставни заменил да разбитое стекло застеклил, в Тараканий лог Змей Горыныч и Соловей разбойник воротились. Пришлось Лешему ещё потрудиться: для Змея избу с тремя окнами по главному фасаду накатать, а для Соловья Рахматовича юрту соорудить. В самый раз к первому снегу и поспели.

Зажили обитатели Тараканьего лога дружно-мирно. А чего делить? У каждого свой угол. Каждый своим делом занят был. Леший щепную Птицу счастья да посуду строгал. Шлёп-нога их Соловью-разбойнику передавал, а тот мезенской росписью всё украшал: крылышки у птиц завитушками, ковши и тарелки конями красными. Змей Горыныч каргопольской игрушкой занимался: сам глину месил, сам лепил и обжигал, сам же потом расписывал. Чепомокля всю продукцию сортировал и в пещеру на хранение убирал. А прохиндей кот Вакса на печи лежал.

Глава XVI Всякому мила своя сторона

Через два месяца Кощей с Ягой к острову Барбуда приплыли, и первое время там дикарями жили. Ели то, что с дерева упадёт или само приползёт. Спали под звёздным небом прямо на белом песочке, ну, а если прохладный ветер – укрывались пальмовыми листьями. Потом Кощей одноэтажный домик соорудил, бунгало называется. Очаг разбил. На завтрак птичьи яйца собирал и яичницу готовил, к обеду рыбу ловил и в углях запекал, а к ужину рогатиной бананы сшибал. Яга с утра в домике порядка наведёт, потом искупнётся и на песке весь день загорает. Через месяц её уж и не узнать было, почернела как головёшка. В общем-то, жили молодые душа в душу. Жили не тужили и хлопот не ведали, только Яге всё чаще о родине думалось. Сядет, бывало, вечерком у костра, загрустит ни с того ни с сего, бормотать

начнёт. Кощей приобнимет молодую старушку, та вроде бы и отгадет, прильнёт к кощееву плечу и снова всё хорошо.

В один день Кощей Бессмертный решил Ягу побаловать – наловил морепродуктов, наготовил всяких блюд. На первое черепаховый суп в миску налил. Яга только ложку в рот взяла, тут же выплюнула:

– Тьфу! Скверность какая!

Пока омары на второе варились, Кощей устрицы на закуску подал. Лимон над моллюсками сдавил, соком сбрызнул и Яге на серебряном подносе протянул. Баба-яга раковину взяла, устрицу губами втянула, в тот же миг закашлялась, язык высунула и давай его руками оттирать:

– Фу-фу-фу! Что за гадость я проглотила?! Это будто слизняк был. Ох, уж мне эта испанская кухня!

– Французская, ягодка.

– Ой, молчи лучше! То ли дело домашние каши-борщи, пирожки с мухоморами да киселёк из клюквы. Ох, наколдовать бы из мухи слона, да на вертеле изжарить, так и мух тут не водится. Ну, что за страна!

Тут омар из котелка высунулся да как клешнями защёлкает, как засвистит! Ягу от страха в дрожь бросило:

– Мамочки! Что ж это за еда такая, которая сама тебя съесть пытается?!

Так и осталась она голодной. А после полудня окунулась Яга, искупалась в бирюзовой водичке, разлеглась на горячем песке и в который раз свою русскую печь вспомнила: «Вот ведь хорошо-то было: истопишь, угли щёлкают, по избе жаром пышет, заберёшься и до утра косточки греешь». Защемило у Яги в груди, затосковала она по родной тайге пуще прежнего. Рядом Кощей прилёт, кокос с соломинкой ей подал:

– Пей, ягодка. Жарко ведь!

– Не могу я больше, Кощеюшка! Домой хочу. К избушке своей, к котик-мурлыке. По болоту тоска. По мошке да морошке кости ноют.

– А я что? Я ничего! Я уж давно собрался, – и Кощей вытянул из-за пальмы сундуки. – Я уж и сам извёлся, родная. Тут вроде бы всё как на

родной стороне: утро пришло-ушло да незаметно в зенит перекаатилось, за ним чуть день потеплил и погас, скоротенько солнышко за небосклоном скрылось. И солнышко, как солнышко, а не то! Да и ночи у нас луннее, трава зеленее. Дома все споро, а вчуже житье хуже.

Глава XVII Новые сказки Севера

В то время, когда Яга с Кощеем парус снаряжали, новые обитатели Тараканьего лога тоску зелёную разгоняли.

– А может вам рассказать, как я стал настоящим морским волком? – высунувшись из окна, спросила средняя голова Змея Горыныча.

Проходивший мимо змеиного дома Кот Вакса прыснул:

– Это про то, как ты бороздил бушующие воды Белого моря и отважно сражался с акулами?!

В это время у Соловья-разбойника выпала тарелка из рук, и он расхохотался.

– Ух! – встрепенулся на сосне Чепомохля. – Мы эту историю сто раз слышали!

– А это правда, что море солёное? – спросил Шлёп-нога.

– Ну, конечно, солёное, что ты такое спрашиваешь, дурачок, – ответила правая голова.

– А почему оно солёное? – не унимался заяц.

– Почему-почему, вот, сейчас и расскажу почему... – задумалась вторая голова.

– Ну, рассказывай-рассказывай! Не тяни, – присоединился к уважаемой компании Леший.

Змей Горыныч почесал затылки и начал:

– Давно это было. Так давно, что вряд ли кто вспомнит, отчего Белое море стало солёным. А ведь были времена, когда рыбы ходили друг к другу в

гости, и ставили самовар, и пили чай с ватрушками. Но, в какой-то момент, вода стала горько-солёной и невкусной. Чаю уж не попить было – опплюёшься весь. Оттого и коренных обитателей поубавилось, а рыба стала проходной и поселилась в реках.

Кажется, всё началось с того, что в море завелась полосатая зубатка. Вредная, длиннющая, хитрющая. Мимо просто так не проплывёт: кого куснёт, кого щипнёт, а кого и из норы прогонит. А прожорливая! Вам такой аппетит и не снился! Всё ела, что под плавник попадётся. Хоть сосиски, хоть консервы, а один раз выскочила из воды возле поморского карбаса и зубами в весло вцепилась. Рыбак ей кричит: «Выплюнь! Подавишься!» А зубатка рычит, весло не отпускает и, наоборот, пытается кусок побольше оттяпать. Пока рыбак у пристани швартовался, она полвесла всё-таки сгрызла.

И вот, представляете? Разболелся у разбойницы живот. Полвесла это ж думать надо! Да ещё немытыми плавниками! Хотя, если разобраться, она же рыба, а плавники у рыб всегда чистые.

Ну, что тут скажешь? Легла наша зубатка на камушки, и давай стонать да слезами заливаться. Слезами такими горячими, что море солонеть от них начало. Зубатка ревела – море солонело. А на помощь-то никто и не спешил, все её проделки помнили.

На счастье, мимо бабушка треска проплывала, видит: зубатка слёзы льет, на помощь зовёт. Треска рассудила: «Зубатка рыба, конечно, хищная, и характер у неё скверный, но всё же жалко невежу. А ну, случись с моими внучатками такая беда, да никто не поможет?»

Подплыла к страдалице, тихонечко плавником зубатку поглаживает, да вслух приговаривает: «Не плачь, деточка, этак ты слезами всё море пересолишь!»

А потом треска за больной ухаживала. И как родную дочку – зубатку выхаживала. По утрам кашкой из водорослей кормила, в обед фрикадельками из морских ежей потчевала, а на ужин червячков приносила. Перед сном треска колыбельные пела. А бывало, и сказки про Нептуна да русалок

рассказывала. Так от заботы и ласки очень скоро горемыка на поправку пошла.

Зубатке и по сей день живётся – счастливо! Не шалит, по выходным бабушку треску навещает, да и в еде разборчива стала. Только вот море после пролитых слёз так и осталось солёным.

– Во, заливает! – удивился Леший.

– Да как же тогда рыба-то в море не засолилась! – возмутился Вакса.

– Угу! – поддержал Чепомокля. – Сомнительное объяснение.

– А по-моему, это новая Северная сказка получилась, – сказал Шлёп-нога. – Я как раз такие и люблю.

Глава XVIII Артель «БяКа и Ко»

Уже весной поморский коч домой возвращался – в Белом море среди льдин толкался. На дворе месяц май наступил, а тепло и перелётные птицы на Север не спешили. Яга руки потирала и думала: «Ладно, Зима, пошали пока! Вот доберусь я до своей избушки, посмотрим, кто кого!» Потом «Килька» тем же курсом, что прошлым летом, мимо Холмогор прошла и опять в честь неё с берега пушки палили – Бах! Ба-ба-бах! – как-никак первый корабль с открытия навигации. После судно в устье Пинегы вошло, а там хоть и против быстрого течения, но под полным парусом за неделю к родному берегу домчали.

В Тараканий лог пришли, а там уж целое поселение образовалось. С ходу и не узнать где что. Баба-яга своего котофейку на руки подхватила и давай с ним лобзаться, а он лапами в неё упёрся:

– Ну, что за телячьи нежности! Ну, к чему это, – мурчит.

Чепомокля наоборот, глаза сощурил, клоочет, булькает от удовольствия, голову под Кощееву руку подсовывает.

На следующий день Баба-яга до первых петухов с печи соскочила и застряпню принялась. Решила тетёрок испечь, это пряники такие ажурные. Из ржаного теста раскатала тонких колбасок-жгутиков, благо Леший и доску, и скалку Яге выточил. Потом из жгутиков фигурки свила – в центре солнышко, а вокруг сияние. В раскалённую печь заложила и нашептала:

– Явись поскорее, Ярило – бог солнца, жизни, тепла и светлой силы, – глянула в окошко, а там и впрямь красно-солнышко встало. – Неси, неси с собой весну и тепло, будет и нам хорошо!

К праздничному обеду все за общим столом собрались, всех Яга лакомством угостила. Попутно решали, как теперь артель называться будет, изначально-то «БяКа» была. Сто предложений за трапезой перебрали, но всё мимо, то одному, то другому – не мило. В конце концов сошлись на одном.

– «БяКа и Компания», – утвердила Баба-яга.

– «БяКа и Ко» – сократил Кощей Бессмертный.

Все теперь своим любимым делом занимались, каждому место под общей маркой нашлось. Змей Горыныч каргопольскую игрушку выпускал, попутно сказками артель да купцов заезжих развлекал. Леший «Птицу счастья» щепил, да кухонную утварь творил. Соловей-разбойник мезенскую роспись до совершенства довёл, кони как живые копытами били. Кощей Бессмертный по кости резал будто картины писал. Баба-яга свои фирменные тетёрки пекла. Чепомокля за сохранность готовой продукции отвечал, Шлёп-нога за прилавком стоял, и только кот Вакса на печи лежал.

Эпилог Наши дни

Всё, что вы прочитали в этой, казалось бы, сказочной истории, происходило на самом деле, а герои в ней невымышленные, и любые совпадения с реально живущими или когда-либо жившими персонажами не случайны.

Так же надобно отметить, что над этим исследованием работали тридцать три студента кафедры народных художественных промыслов во главе со старшим научным руководителем Черномором Д. В. Конечно, какие-то детали они упустили, но главное всё-таки передали, и теперь мы точно знаем, что архангельская земля испокон веков богата светлыми мыслями и добрыми руками мастеров. Это уж так издавна повелось на Беломорском Севере: всякое доброе дело – для большого сердца.

Ну, а если же в вас закрались сомнения по поводу правдоподобности всего изложенного, то я вам Тараканий лог хоть сейчас покажу, там теперь Пинежский заповедник, а заодно и пещеры, где Кощей Бессмертный обитал, сами убедитесь, как в них темно, прохладно и сыро. Правда, белки вас могут обругать, не любят они, когда приезжают шумные туристы. А тех рыжих тараканов, что Кощей когда-то на волю выпустил, вы и сами видели, они по всему миру разбрелись, чтобы люди помнили, к чему приводит брошенный мусор.

Варакина Полина, Онега, Архангельская область

Обломочки облаков

Да, давно это было. Зимой. Я тогда в лесу так сильно заплутал, что, думаю, не увидеть мне больше света белого. Тайга - она дама сурьёзная да с характером.. Только отвлечешься подправить что-нибудь, голову ни туда повернешь - всё, заблудился. Вот и бродил я до самых потемок где попало, всю глотку сорвал, чтоб докричаться до кого-нибудь... Да бесполезное это всё дело. Стены из деревьев там, знаешь какие? Во! Гранит! Все звуки в своих пушистых лапах прячут. Я уж было отчаялся на спасение-то, думаю, такова уж воля Божья. Да вдруг вижу, где-то вдалеке огонек маячит. Вот радости-то было! Как скипидаром намазанный, помчался я к своему спасительному пятнышку. Прибежал и вижу - избёнка стоит. А избёнка в высоте чуть больше аршина. Стоит, вся снегом заваленная, а в окне огонёк от

свечки пляшет. Думаю, во диковинка! Кто же в такой хатенке уживается- то? Чудеса, да и только! Долго стоял я так, удивляясь да чурбачок свой почёсывая, как вдруг слышу у себя за спиной:

- Здоровенько, чужанин блудной!

От неожиданности я чуть из подштанников не вылетел. Поворачиваюсь - а там старушечка стоит, глазами приветливо сверкает.

- Здоровенько, - хрипло я выдавил из себя приветствие.

- Пошто¹ во суметах-то² стоят, ноги морозиц? Пойдём, милой, во избы, пойдём!

- Сюда что ли?- указал я на крохотную невзрачную избышку.

- Сюды, сюды, а куды ишшо-то?

- Спасибо тебе, родная, за гостеприимство, да как же я войду- то сюда?

Тут она как зальётся смехом, да таким задорным, что я, глядячи на неё, не смог сдержать ухмылки, так и не поняв, чем её развеселил.

- Оххти, милой... насмешил старуху!- пропела она, вытирая платком выбежавшие от смеху слёзы - Цьто ты! Тото ж не изба, тото ж чурдак!

С этими словами она пропала где-то внутри сугробов и позвала меня. Ещё колеблясь, я неуверенно подошёл туда, где исчезла моя старушка. В сугробе зияла огромная черная дыра, откуда из её глубоких недр донесся до меня знакомый голос:

- Не пужайся, шшас посведу...

И вправду, через несколько минут я увидел огонёк свечи, осветивший уходящие вниз снежные ступеньки и улыбающееся лицо старушки. Поборов свой страх, я осторожно спустился. Передо мной откуда-то выросла дверь. Старушка открыла её, и я почувствовал, как на меня пахнуло теплом.

Сначала я не понимал, куда меня занесло. Когда же глаза немного попривыкли к тусклому освещению - всё встало на свои места.

Действительно, я находился в самой обыкновенной избе, а та небольшая хатенка была самым обыкновенным чердаком. Дело в том, что совсем недавно здесь хозяйничали такие сильные вьюги и метели, что враз завалили снегом всю бедную избушку, оставив выглядывать лишь небольшую часть чердачка. Вот и пришлось Алевтине Михайловне - так звали мою спасительницу - копать огромные траншеи, чтобы выбраться из снежного плена.

- Ты, небось, милой, не емши, не пифши? – спросила она и, не дожидаясь ответа, бросилась проворно хлопотать. Как бы я не оказывался, сколько бы ни просил остудить её хозяйский пыл - Алевтина Михайловна была непреклонна. Посадила- таки меня за стол. Да пока она кипятком по кружкам разливала, смотрю, а в печки уж пироги стоят и прямо на стол с пылу с жару прыгают. От удивления я даже рот открыл, дак один пирожок, недолго думая, мне прямо в рот и угодил. Посмотрел я на хозяйюшку, а та только улыбается да глазами смеётся. Вот чудесница! За поздним чаем я и поведал ей о своей беде. Долго она охала и причитала, слушая меня, да под конец сказала:

- Ужа - ты не порато печалуйся, милой! Дедко мой обещалси к завтраму возвратице.. С им дорогу- то и отышшите.

Этим мы и порешили. Я поблагодарил Алевтину Михайловну за хлеб-соль и тут же, не раздеваясь, повалился в мягкие объятия одеяла и подушки.

На следующий день проснулся я рано и, на удивление для самого себя, почувствовал небывалую доселе бодрость и свежесть. Да.. никогда я ещё так не спал. Будто спал я вовсе не на перине с подушкой, а витал в каком-то воздушном пространстве, не ощущая собственного веса и сам наполняясь окружающей меня легкостью и воздушностью. Чудно всё это было, так

чудно, что я не мог найти объяснений. От усталости, должно быть, заключил я. Усталым хоть на гвозди с кирпичами повалишься, и то мягкими покажутся.

Приведя себя в порядок, я пошёл проведать свою спасительницу. Смотрю, а у неё уж и самовар вовсю клокочет, и свеженькие калитки с шаньгами на столе румянятся.

- Доброе утрецко, милой! Вот, дружоцек всё утро шаборцит³, шаборцит, тыбя дожидацце - показывает она на запотевшие бока до блеску натёртого самовара.

- Ну, хозяйюшка.. я даже не знаю чем вас отблагодарить-то! А давайте, Алевтина Михайловна, я вам весь дом от снега откапаю?

- Ужа- ты, милой, сиди, - махнула она на меня рукой- ноцькой такой сивер⁴ пал, такой сивер! Всю изьбу- то и выташшил.

- Да неужто правда?

- Сушша правда, милой.

Я отодвинул задергушки и глазам своим не поверил. Точно снежная буря никогда и не хаживала в этих краях. Снега как не бывало. Только деревья теперь стали чуть выше, чем были. Вот, что значит быть в ладу с северной природой, думал я, она тебя и в морозы защитит тёплым снежным покрывалом, и потом с той же заботой уберёт его обратно.

- Ах, Алевтина Михайловна! Никогда я так хорошо не спал как у вас! Постелька воздушная мягонькая такая.. как вы это делаете? В чём секрет?

Старушечка как всегда улыбнулась и ответила:

- Цьто ты, здесека секретофф нет.

- На каком же пуху это всё?

- Како ж то пух, милой! Тото ж не пух, а обломоцки облакофф.

- Как это.. обломочки?

- Да так-то...

И тут она поведала мне удивительную историю, за всё время которой, я прилично потолстел и объелся, так как имею глупую привычку приоткрывать рот, когда слышу что-нибудь необычное. Вот печка и развлекалась, посылая мне очередную стайку пирогов, когда я замирал, весь поглощенный рассказом. Правда это или нет – судите сами. Я лишь только перескажу то, что слышал от моей доброй подруги.

В конце каждого северного лета на побережье Студеного моря невесть откуда появляется « страшный буй⁵!». Никогда невозможно предсказать, когда и через сколько дней он придёт, всё начинается неожиданно и быстро. Как только потянет свежестью с моря, да небо начнёт хмарью обкладывать - люди сразу бросают все свои дела, смекнув в чём дело. Поднимется на дыбы море, тучи станут грозно темнеть, издавая зловещие рокоты, а буря и вовсе силушку наберёт: « так и громыхат, так и громыхат повседу! Бурак⁶ о бурак землю хлестат, а молния- то сверкат да на мелкие кусоцки туци кромсат.. ». Кромсает молния тучи, вспенивает недавно мирный небосвод. Правда, недолго торжество её длится: со временем тише становятся раскаты, « кротее⁷ взбеленившийся ветер », а в плотной кольчуге тёмно - угрюмых туч « инде⁸ зият » крохотные прорехи запрятанного небесного полотна. Тут народ и высыпает из избёнок. Все к морю бегут. Мужичонки на карбасы запрыгивают, гребут что есть мочи, лишь бы не упустить раздробленных туч. А тучи-то хоть и низко висят после грозы, да проворно убегают громыхать в других местах. « Ужо далеко в голомя⁹ кидаяцца-от мужжоцки, да скорополучно¹⁰ нагонат беглянок.. ». Неводами и сетями, с привязанными к ним длиннющими веревками, они ловко опутывают тучи и отправляются в обратный путь, привязав концы веревок к корме карбасов.

« Мы- то деффи на буюво¹¹ взбираемсе да, мужжицкоф ждучи, песни затыгивам, хороводы водим, да всё хохочем без умолку.. ». Доплыв до берега, мужичонки рядом с буювом пристають и аккуратненько хохотушкам тучи подводят. Девчоночки вилами иль острогами их цепляют да ближе к земле нагибают, чтобы удобнее их было «перешерстить». Тяжело им эта работа даётся: « Тучи таки мокряшшие – истовённо¹² свинцом налиты. Тамо-ка очебареть¹³- дело недолгое ». Да мужичонки не оставляют девчушек в одиночку пыхтеть. Как с телегами прибегут, так и подсобляют своим красавицам. « Мужжоцки-от у нас таки могутные¹⁴! Бывает в одну руку обломочки сгорстают¹⁵, а в другой жонку¹⁶ несут. Да фсё веснуются¹⁷ меж собой, народ потешат ». Развезут они по домам воздушное добро да в поветях на жердочках развешат, чтобы те хорошенько просохли. Едва вода сойдёт с них, да они ввысь под самую крышу подымутся - семейства в работу погружаются. Только перед тем как начать, хорошо бы размять отвердевшие после сушки воздушные глыбы. Здесь и звать никого не приходится - ребяташки уже тут как тут у дверей копошатся и от любопытства носики свои курносые суют. Им и спускают обломочки на пол. До самого вечера кувыркаются и скачут ребяташки по ним, заливаясь весёлым смехом и с ног до головы покрываясь белёсой пылью. Всю дальнейшую работу доверяют только проворным и нежным девичьим рукам. И начнут они шоркать¹⁸ да дергать¹⁹ обломочки друг о дружку, цыпахами²⁰ их чесать, выравнивая воздушные ворсиночки, да песни заводить: « Како ж то дело, коли маколюшечка²¹ не поволыннить²²? Тото ж не дело, мне кажет.. » возмущалась Алевтина Михайловна. Долго, старательно треплют девчушки непослушные воздушные бока. Да после этого совсем невесомыми, мягкими становятся обломочки, надолго сохраняя в себе душистые ароматы разнотравья, волнующую свежесть неба и девичье тепло. Ими сразу же и набивают подушки с тюфяками, чтобы не улетели проказницы в синее небо.

- Потому-то и спится на них так порато, истовённо об облаках подвешен - закончила свой рассказ Алевтина Михайловна и улыбнулась.

Заслушавшись её, я и не заметил, как вернулся хозяин избушки.

- Ить, всё шшебецет баская²³ моя лепетуныя²⁴ - улыбнулся он в свою мохнатую бороду.

-Нуу, забозел²⁵ старый – весело махнула она рукой в его сторону.

Тимофей Игнатьевич был рад заплутавшему гостю. Охотно он указал мне обратную дорогу, да на прощание подарил огромную засоленную щучью голову, даже не знаю, где я последний раз видел голову щуки таких размеров, разве что на картинках:

- На памят да на шшастье! Не забывай старых-то, заходи ешшо! – прокричал он мне вслед и скрылся за могучими еловыми стволами...

Да, брат... давно это было. Куда меня только судьба не носила, где только не оставлял я своего следа да в чьих только окнах своей шапкой косматой не маячил, а не тянет меня обратно так, как в дикие северные просторы.. Оттого ли, что сам в душе «дикуша²⁶» - не знаю... Ой, засиделся я что-то с тобой, пойду собираться.. Куда? На Север!

1. Пошто - почему, зачем
2. Сумет - сугроб
3. Шаборцять - тихо шуметь, шуршать
4. Сивер - северный ветер

5. Буй - шторм
6. Бурак - короткий ливень с ветром
7. Кротеть - стихать
8. Инде - кое- где
9. В голомя - в открытое море
10. Скорополучно - благополучно
11. Буево - открытое возвышенное место
12. Истовённо – будто, точно, подобно
13. Очебареть - устать
14. Могутной - сильный, мощный
15. Сгорстать - схватить в горсть
16. Жонка – женщина
17. Веснованье – бой морского зверя на льдах весной
18. Шоркать - тереть
19. Дербать - взъерошить
20. Цыпаха - щётка для чесания шерсти
21. Маколюшечка – немного, чуть-чуть
22. Волынить – петь протяжные песни
23. Баская - красивая
24. Лепетунья - болтунья
25. Забозеть - зашуметь
26. Дикуша - дикий





Дрявичева Марина, г. Кировск, Мурманская область

Лопарские сказки

Сказка о ветре

Давным-давно за большой горой Умптэк¹ жили лопари. Они охотились в густых низкорослых лесах на зверей, ловили в красивых озёрах с хрустальной чистой водой рыбу и были счастливы.

Но вот однажды напал на их северную страну страшный дракон. Выпустил он из своей пасти огненное пламя. Тогда встали рядом друг с другом плотной стеной маленькие лопари, все дружно надули щёки и разом выпустили воздух из лёгких: «Ф-ф-фу...» Всколыхнулось пламя драконовское и... потухло! Так лопари спасли свой город и узнали силу ветра.

Только не знали лопари, что открыли путь к своей «закрытой горе», за которой проживали, всем силам природы. И если вдруг иногда, дружок, ты

почувствуешь, как воздух колыхнется в твоих волосах, то знай: это лопари за горами соревнуются между собой, у кого лёгкие сильнее. А уж если вдруг ураган пригнёт к земле деревья, загудит в проводах, это дружный народ встал стеной и дует что есть мочи: на них снова кто-то напал.

ⁱ Умптек – старое название гор Хибины на Кольском полуострове в районе озера Умбозеро, так называемые «закрытые горы» (в переводе с саамского «умп» – «закрытый»).

Сказка о горе

Однажды в одном северном городе поспорили три красавицы-лопарки о том, кто из них красивее. Решили они попытать счастья и попробовать завоевать внимание самого горного Царя.

Первая лопарка по имени Кайег, что по-лопарски значит Чайка, превратилась в прекрасную птицу и стала кружить вокруг Царя, издавая прекрасные звуки. Но разозлился Царь на надоедливую птицу и, сделав её голос неприятным и визгливым, отправил летать над Белым морем. А где плакала она, там возникла красивая местность – Монча.

Вторая лопарка по имени Корюшка решила покормить горного Царя. И Царь превратил её в маленькую рыбку, сделав главной над всем морским царством. А ещё в благодарность за вкусное угощение наградил он её приятным запахом – запахом свежих огурчиков.

Третья красавица по имени Гора славилась своей неприступностью. Она так понравилась горному Царю за гордый нрав, что решил он, пока она спала, превратить красавицу-гордячку в горную статую. Теперь Царь мог спокойно ею любоваться, не беспокоясь о том, что она сбежит от него.

Оглянись, дружок, вокруг: видишь самую красивую гору в нашем городе Кировске? Это и есть Айкуайвумчорр, что значит по-саамски «Спящая красавица». Раскинула она свои руки, лежит и спокойно дышит.

Только иногда грустно вздохнёт, и тогда скатываются лавины одна за другой и губят туристов, осмелившихся кататься зимой по ней.

Монча (Ольче, Куцколь) — река в Мурманской области, протекающая по городу Мончегорску и впадающая в озеро Имандру.

Корюшка – озёрная рыба, обитающая в озёрах северо-запада России, обладает запахом свежих огурцов.

Сказка о Горнячке

Давным-давно за большой горой Умптэк в северной стране Лапландии жил красивый, здоровый и крепкий северный народ. Люди охотились в лесах на зверя, занимались разведением оленей, ловили в озёрах рыбу, и сам Сейд помогал им в этом.

Однажды узнали они о том, что в горе Умптэк много разных камней спрятано. Самый главный из них – апатит, настоящий Царь-камень. Стали люди с тех пор апатит из горы добывать да другим странам продавать. Тяжёл и опасен был горняцкий труд, но не боялся трудностей храбрый народ и стал ещё сильнее и мужественнее.

В одной из таких семей родился маленький Горнячок. Созвали родители на крестины всех жителей Лапландии. Забыли лишь про колдунью Вараку, жившую в лесу, высоко в горах! Разозлилась она, пришла на праздник непрошеной и, глядя на маленького Горнячка, предсказала: «Быть ему недвижимым!» Испугались родители и гости, выгнали Вараку за дверь...

Время стёрло из памяти злые слова колдуньи. Лишь мать про предсказание помнила и не разрешала сыну и близко приближаться к горам.

На Лапландию опустилась Полярная ночь. Полгода прошло, пришла пора солнцу опять показаться, только нет его! И сказал тогда старый мудрый

горняк: «Взял в плен солнце Великий Дух наших гор Хибин. Хочет он, чтобы навсегда на земле воцарилась Ночь».

Горнячок решил: «Не бывать тому, я спасу для людей наше солнышко!» В сани он запряг сына Солнца – оленя, поскакал на гору светило добывать.

Три дня и три ночи скакал олень. Наконец увидел Горнячок Великого Горного духа Хибин. Тот сидел, возвышаясь над самой высокой горой Вудъяврчорр. На голове у него была белоснежная шапка, борода струилась, как прозрачная горная река, а глаза сверкали, как озёра Большой и Малый Вудъявр. Но не испугался его храбрый Горнячок, громко крикнул: «Горный дух Хибин, я за Солнцем пришёл! Люди не могут жить без света и тепла!» Удивился дерзости похититель солнца, руку протянул наглеца схватить. Но ударил Горнячок своей киркой по горе – раскололась гора, выплыл огненный шар, подниматься стал прямо над горой. Ударил Горнячок по шару – раскололся тот на две части: большая часть его превратилась в Пейве (Солнце), а маленькая – в Манну (Луну).

Стала таять снежная шуба Великого Горного духа Хибин, борода его потекла ручьями, и вскоре весь он растаял, растворившись в солнечных лучах и превратившись в большущие лужи - Голубые озёра. Но вот беда: перед тем, как растаять, успел злодей взглянуть в глаза Горнячку. А ведь известно: если Горный дух на кого взглянет, сердце того окаменеет. Опёрся на свою кирку Горнячок, чтобы посмотреть на всплывающее над горой Солнце, и ... окаменел. Сбылось предсказание злой Вараки: стал Горнячок недвижимым. Только сердце его по-прежнему добрым и справедливым осталось, каким и было...

С тех пор прошло много лет, но помнят люди о храбром Горнячке и о его подвиге. А если не верите, что всё рассказанное правда, приезжайте в город Кировск, что за Полярным кругом, и увидите: неподвижно стоит маленький Горнячок, улыбается Солнцу, подаренному им людям.

Словарь используемых саамских слов и выражений

Умптэк – местное саамское название Хибинских гор.

Хибины – горы на Кольском полуострове.

Лапландия - название расположенного в Северной Европе культурного региона, который традиционно населяют саамы (устаревшие названия — лопари, лапландцы).

Сейд – священный камень, каменное божество, предмет древнего саамского культа.

Варака – покрытая лесом возвышенность, лесистая гора.

Вудьяврчорр – одна из самых высоких вершин Хибинских гор.

Большой Вудьявр - самое крупное озеро в Хибинах, расположенное в центральной части Кольского полуострова.

Малый Вудьявр - озеро, лежащее у подножия горного массива Кукисвумчорр.

Голубые озёра – название озёр, расположенных на Кольском полуострове недалеко от Сейдозера.

Пейве (пейв) – в переводе с саамского «солнце», «день».

Манна (манн) – в переводе с саамского «луна».

Сказка о Дожде и Радуге

Однажды лопари увидели, как из-за самой высокой горы Ферсманаⁱ спускается к ним по небесной лестнице из воздушных белых облаков прекрасная девушка. Одежда на ней яркая, семицветная, глаза небесно-голубые, а волосы чёрные и блестящие, как тучи, вот-вот влагой прольются.

Погостила девушка у лопарей, и так ей у них понравилось, что забыла она о своём женихе и решила у них жить остаться.

Рассердился жених, загремел громом из-за горы – не идёт суженая. Стрелы огненные молнией пустил, но гора уж очень высокая была, защитила суженую.

Тогда горько-горько заплакал брошенный жених, да такими крупными слезами, что в озёрах и море Белом воды прибавилось. Вся земля насквозь промокла от этих слёз. Опомнилась невеста, вскинулась на небе Радугой семицветной. Только поздно было: обиделся жених и ушёл навсегда.

Иногда, дружок, когда капает с неба вода, знай: вспомнит Дождь про свою суженую и нет-нет да заплачет. А вскоре и Радуга на небе появится. Так и ходят они друг за другом, только встретиться никак не могут.

Сказка о снеге

Жили лопари на Кольском полуострове дружно, ловили много рыбы в голубых водоёмах. Только вот однажды жаркое солнце так нагрело землю, что все озёра, болота, даже Баренцево и Белое моря повысохли. Не стало воды – не стало жизни для лопарей. Собрались самые мудрые из них и стали думать думать: что сделать надо, чтобы вода вернулась? И вспомнили лопари о

женихе красавицы Радуги, что помогал им иногда и проливал свои слёзы на сухую землю.

Взобрались лопари на гору, чтобы разбудить Дождь. А тот уже совсем старенький стал, весь белыми сединами покрылся. Разбудили его лопари, дунул он на землю, а вместо воды вдруг белые ледяные хлопья полетели. Убежало солнце, испугавшись внезапного холода. Да и сами лопари быстрее в свои кочевья попрятались. Оделись в малицы¹ и яры¹, чтобы не замёрзнуть. А белые хлопья целиком покрыли землю, укутав её снежным покрывалом. Наступила зима...

Так, дружок, зимой и бывает: заворочается седой жених – хлопья снежные летят, и все люди в шубы и шапки быстрее одеваются. А уж если лопари опять соревнования затеют, у кого лёгкие сильнее, знай: метель да вьюга не за горами.

Номинация от 14 лет до 17 лет включительно

Елена Русанова, г. Пермь

Шаманья сказка

В тот день ко мне перед уроком подбежала Ленка и, схватив за рукав кофты, оттащила в сторону. Выглядела она радостной и взволнованной, поэтому я приготовилась выслушивать очередную сплетню. Ленка была сплетницей номер один в нашем классе и радовалась только тогда, когда ей первой удавалось узнать что-то невероятно исключительное.

- Знаешь, а к нам в класс Шаман возвращается! – прошептала она мне на ухо. И отодвинулась, взглянув на меня выжидающе. В такие моменты она всегда ждет ахов и охов. Я изобразила удивленное лицо:

- Да неужели! Это тот самый мальчик, который в школу три года как не ходит?

- Да, представляешь! К ним заявили социальные работники и потребовали, чтобы Шаман ходил в школу.

Я с важным видом кивнула. Информация и вправду была исключительной.

Взявшись за руки, мы с Леной протопали в класс. Там, как всегда, было шумно. Наша классная руководительница – Авдотья Романовна – сидела за столом, заткнув уши. Пыталась сосредоточиться, наверное. Бедняга. Жаль мне её.

Половина наших мальчишек столпилась у моей парты. Я еле-еле протолкнулась.

На моем месте сидел Шаман. Он отвернулся от всех и глядел в окно.

Смуглый, низенький, какой-то хрупкий, на фоне одноклассников он казался крошечным. Пришлось сесть с ним рядом. Мне было любопытно, хотелось что-нибудь у него спросить. Что-нибудь глупое. К примеру, где он столько времени пропадал.

- Эй, и где ты был всё это время? Мы думали, что ты умер, - спросил Артур, скрестив руки на груди.

Шаман ничего ему не отвечал. Он всё также продолжал смотреть в окно.

- Поколдуй нам, Шаман! – закричал Васька. Голос у него был скрипучий, вечно срывающийся. Как будто бы дверные петли забыли смазать.

Тот молчал и всё также упрямо смотрел в окно. Только съежился чуть-чуть. Одноклассники придвинулись к Шаману поближе.

- Ну давай же, скажи хоть слово. Хотя ты, наверное, не умеешь, - засмеялся Артур. Его щеки затряслись вместе с ним.

Шаман повернулся к нему и взглянул так мрачно, исподлобья.

- Чего смотришь? Я говорю тебе, колдуй. Или хотя бы расскажи, где ты был, - не успокаивался Артур. Мальчишки посмеивались вместе с ним. Артур, наверное, чувствовал себя самым-самым. Ему давно такого хотелось. Все эти годы он постоянно пытался привлечь всеобщее внимание, а тут такой случай!

- Ну чего ты молчишь?

Шаман поднялся и вдруг кинулся на Артура. Он успел ударить того по лицу, но потом Артур повалил его на пол. Сел на его груди и руки прижал коленями. Шаман пытался дергаться, вздрагивал, хрипел от напряжения, но двинуться не мог.

- Дикий какой-то, - прокомментировал Артур, и мальчишки загоготали. Мне стало противно. Но я ничего не могла делать. Вряд ли они меня послушаются, только хуже будет.

Мальчишки принялись вопить вразнобой: «Драка! Драка! Драка! Драка!». И тут ото сна очнулась Авдотья Романовна. Она вскочила из-за стола и подлетела к мальчишкам. Оттащила Артура от Шамана, потом отчитала обоих и приказала не приближаться друг к другу. А если она увидит обратное, то им несдобровать. Довольный Артур прошествовал к своей парте на противоположном конце класса. Шаман же вернулся на место рядом со мной.

- Ты как? – осторожно спросила я и коснулась пальцами его плеча. Он дернулся и ничего не ответил.

Все уроки и перемены Шаман сидел, уткнувшись носом в тетрадку. Он ничего не писал, ничего не рисовал, просто смотрел на пустые листки и всё. Я ещё раз пыталась с ним поговорить, но это было бесполезно. Он как будто бы меня не слышал. По крайней мере, делал вид.

Ну и пусть. Ну и наплевать. Тоже мне, выискался королевич.

Я старалась не обращать на него внимание. Не смотрела в его сторону и делала вид, как будто бы его нет. Но иногда все-таки поглядывала в его сторону. Было в нем что-то, не дающее мне покоя. Тревожащее душу.

Последний урок, как всегда, литература. Вела её старенькая, подслеповатая старушонка, которая постоянно напяливала на себя длинные красные кофты. Издалека они походили на мантии. А ещё тащились за старушонкой по полу, когда та прохаживалась по классу. Звали её Анастасией Ивановной.

Прозвенел звонок. Мы дружно встали, чтобы поприветствовать Анастасию Ивановну. Та дрожащим голосом приказала нам сесть на места.

- Сегодня будем разбирать «Ревизора» Гоголя. Откройте учебники на двадцать пятой странице и внимательно прочитайте параграф.

Я придвинулась к Шаману – своего учебника у меня не было, забыла в начале года взять из библиотеки. А сейчас идти уже как-то стыдно.

- Можно? – спросила я и передвинула учебник на середину. Он кивнул.

У Шамана из-под рубашки просвечивала черная майка. Он читал статью и хмурился, прикусывая губу. Наверное, ему страшно. Мне бы тоже было страшно, если бы я столько лет не ходила в школу, а потом пришла. После болезни, когда дома посидишь две недели, и то себя не в своей тарелке чувствуешь. А тут уж.

- Давайте-ка нашего прогульщика спросим. Ну-ка, прочитай текст на двадцать восьмой странице, - продребезжала Анастасия Ивановна. Она встала прямо перед нашей партией. Я видела, как колыхаются складки её кофты-мантии.

Шаман встал и прокашлялся. Руки у него дрожали. Одноклассники развернулись к нам. Я видела их румяные, похожие на персики, лица. Кое-кто перешептывался. На улице вдалеке завопила сирена пожарной машины.

Он начал читать. По слогам. Медленно-медленно, спотыкаясь на каждом слове. Ребята не выдержали и засмеялись. Издевательский, громкий-громкий смех. Я стыдливо спрятала лицо, мне вдруг показалось, что это надо мной смеются, а не над ним. Словно бы это я опозорилась на весь класс. Анастасия Ивановна отругала Шамана:

- Ну и что же ты такого делал дома, что теперь даже читать нормально не можешь? Прогульщик, он и есть прогульщик. За этот урок я тебе двойку поставлю. Будешь знать, как столько дома сидеть. Даже читаешь по слогам. А что, если я тебя попрошу сочинение написать? Писать-то ты умеешь?

Анастасия Ивановна ещё долго негодовала. Артур и его компания уже хохотали, не сдерживаясь. С каждым словом Анастасии Ивановны Шаман мрачнел. В конце концов, он громко захлопнул учебник и со стуком сел на место. Анастасия Ивановна не преминула и это прокомментировать:

- Что? Обидно тебе? Ну так и обижайся. Никому и дела до этого нет.

Она вышла к доске и попросила Ленку прочитать отрывок повторно. Шаман отвернулся к окну. Ребята все ещё продолжали над ним посмеиваться. Даже парочку издевательских записочек передали. Только он их не разворачивал.

Задребезжали окна. За окном поднялся сильный ветер. Даже деревья чуть ли не пригибались к земле. Пролетел черный пакет, который ветер рвал и мял во все стороны. Ленка на секунду запнулась, облизнув сухие губы, но потом продолжила. Анастасия Ивановка кивнула, мол, продолжай, солнышко, продолжай. А окна дребезжали всё громче. Ленка дочитала и с испугом села на своё место. Шум нарастал, давил на уши, мозг. Он как будто бы свалился

сверху каменной плитой и придавил к полу. Стекла разобьются, а ветер влетит в наш класс и разметает по белому свету.

Вдруг дребезжание прекратилось. И ветер стих.

В конце урока Анастасия Ивановна попыталась ещё раз спросить Шамана, но тот упрямо молчал. Даже не смотрел на неё.

Шаман со всего размаха шлепнулся передо мной на парту. Сверху на него навалился Артур. Шаман хрипел, брыкался и царапался. Пнул Артура в ногу. Но тот даже не напряглся, я думаю. Лицо у Шамана покраснело, глаза вылезли из орбит. Ещё чуть-чуть, и он действительно задохнется.

Я вскочила с места:

- Мальчики, не...

Не успела я продолжить, как в класс залетела Авдотья Романовна. Она извинилась за опоздание и поинтересовалась, чем это мальчишки занимаются. Артур тут же отпустил Шамана. Даже успел по-доброму улыбнуться. Его широкое лицо стало ещё шире. А маленькие глазки сузились.

Шамана сильно потрепали. Его почти новые брюки были в конец убиты, а ботинки можно было выкидывать хоть сейчас. Он сел на место и уставился в окно. Равнодушный и отстраненный.

Мне стало его жалко. Не знаю. Раньше, мне никого не было настолько жалко, как его. Я дотронулась до плеча Шамана, но тот лишь дернулся и оскалился.

- Идиоты они, правда? – прошептала я.

Мне вдруг захотелось подарить ему хоть доброты и тепла. Вычерпать всё из себя до самой глубины души и отдать. Протянуть. На, держи. Только не разлей, пожалуйста.

- Мне не нужна твоя жалость, - зашипел Шаман. Головы он ко мне не повернул.

Авдотья Романовна продолжала щебетать что-то про свою маленькую дочку. Она обожала про неё рассказывать. Иногда, чтобы сорвать какую-нибудь особенно мерзопакостную контрольную, мы начинали расспрашивать её о дочке. И всё, она отвлекалась и забывала обо всем на свете.

- Я тебя и не жалею.

- Жалеешь, - Шаман резко ко мне развернулся. Глаза у него темные-темные. Даже зрачка не различишь. А там, где-то на глубине плещется страшное, сильное, непонятное. Может быть, он и правда колдун. Не зря же его Шаманом прозвали. Мне стало страшно.

- Не жалею. Неправда!

В спину Шаману прилетел обмызганный бумажный шарик. Он вздрогнул и развернулся. На задней парте, вертя в руках пластиковую трубочку от ручки, ухмылялся Артур. На его лбу краснел огромный прыщ.

В Шамана прилетело ещё несколько шариков. Он больше не оборачивался. Терпел.

- Скажи Авдотье Романовне, - прошипела я.

- Не нужна мне ничья защита.

- Но ты сам с ним не справишься.

Шаман нехорошо так прищурился и ответил, что справится, а мое участие и переживания ему даром не сдались.

Я ещё несколько раз пыталась его успокоить или спросить о чем-нибудь, но он просто-напросто не отвечал. То, что происходило на улице, оказалось интереснее меня. Вскоре я замолчала. Хочет терпеть это, пусть терпит.

- Не иди за мной, - сказал Шаман, не оборачиваясь.

Он ускорил шаг. Но и я не отставала. Мне приходилось напрягаться изо всех сил, но это того стоило. Друзья должны идти вместе. А я очень-очень хочу быть его другом.

- Я же сказал, не иди за мной, - его голос сорвался почти до визга. Мы остановились посреди улицы. Он резко развернулся ко мне и уставился черными-черными глазами.

- Друзья провожают друг друга до дома.

- Не нужно, да и ты мне не друг.

- Соседи по парте!

- Соседи по парте такого не делают, - Шаман устало вздохнул.

Уроки уже давно закончились. Целый день учителя и мои одноклассники измывались над Шаманом. То скажут что-нибудь, то к доске вызовут. С Артуром они опять чуть не подрались. Шаману пригрозили, что, если ещё хоть один раз это повторится, он со свистом вылетит из школы. Я расстроилась. Он неплохой, я верю в это. Только дикий немного. Ему просто нужен друг. И этим другом решила стать я.

Шаман отвернулся и опять двинулся вперед. Я, не успев отдышаться, засеменила за ним. Мне хотелось посмотреть, где он живет. И вдруг Шаман пригласит меня на чашечку чая. Я бы не отказалась. На улице уже начало

холодеть. В наших краях всегда холодеет быстро. Оглянуться не успеешь, как уже минус тридцать.

- Эй, ты. Не иди за мной. Сколько раз тебе повторять! - выкрикнул Шаман из-за плеча. На меня он даже не смотрел.

Я подбежала и встала рядом. От ходьбы у меня закружилась голова. Никогда не была сильна в физкультуре, я больше в математику. Дыхание сперло, а горло жгло как будто бы огнем. Я зачерпнула недавно выпавшего снега и съела горсть.

- А вот и пойду.

Шаман старался обогнать меня, шел всё быстрее и быстрее. Под конец я уже бежала.

- Можно помедленнее, черт возьми!

Я остановилась, задыхаясь. Холодный воздух обжигал горло. Но Шаман, этот засранец, и не думал меня ждать. Он завернул за угол, а потом, когда я последовала за ним, то и вовсе испарился. Как будто бы его и не было.

Мне оставалось только чесать в макушке и задаваться вопросом: «А куда он, черт возьми, подевался?».

Во вторник родителей Шамана вызвали в школу. Анастасия Ивановна опять попросила прочитать отрывок из учебника, но он сделал вид, что её не услышал. Кое-кто хихикнул. И тут Анастасия Ивановна взорвалась. Желваки у неё затряслись, а глаза с желтоватыми белками выпучились так, что она начала походить на жабу. Всегда любила смотреть, как она злится не на меня. Анастасия Ивановна подлетела к Шаману и уже замахнулась, чтобы влепить ему затрещину, но остановилась. Шаман взглянул на неё исподлобья, быстро, почти мельком.

- Ты не работаешь на уроках! Зачем тебе вообще ходить в школу. Зачем, скажи мне? – сказала Анастасия Ивановна, возвышаясь перед нами.

Шаман не ответил. Он молчал и смотрел в окно тоскливым и грустным взглядом. Мне вдруг захотелось его обнять. Я ущипнула себя за запястье – не думай, не думай о всяких глупостях.

- Так! Не отвечаешь, значит? Родителей в школу. Говори мне их номер телефона, живо, - скомандовала Анастасия Ивановна. Она вытащила кнопочный телефон из огненно-красной сумочки и приготовилась набирать номер.

- Родители не смогут. Их сейчас нет в городе, - прошептал Шаман. Очень тихо, так что я едва расслышала. Анастасия Ивановна опять подошла и наклонилась к нему. Они почти касались друг друга крючковатыми носами.

- Повтори.

- Родители не могут. Они не в городе, - ещё тише сказал Шаман. Казалось, ему было стыдно.

- Ну прекрасно! Просто отлично! А кто есть? Или ты у нас один живешь?

- Бабушка есть, - также тихо ответил Шаман.

Он держал руки под партой, сжимая так, что белели костяшки.

- Тогда дай мне её номер, наконец! Я вызову её в школу. Пусть ей будет за тебя стыдно.

- Не будет, - Шаман улыбнулся.

- Номер! – взвизгнула Анастасия Ивановна.

- Семь, - сказал Шаман.

- Семь, - вторил ему кнопочный телефон.

- Восемь.

- Восемь.

- Пятнадцать.

- Пятнадцать.

- Четыре.

- Четыре.

Анастасия Ивановна набрала номер и попросила бабушку Шамана срочно прийти в школу. А потом с торжественным видом положила телефон на свой стол и продолжила урок. Впрочем, до конца немного оставалось.

Прозвенел звонок. Половина класса вылетела в коридор или в столовую. Ленка мчалась впереди всех. Она терпеть не могла стоять в очередях, поэтому всегда неслась в столовую, как угорелая. Я осталась рядом с Шаманом. Мне хотелось с ним поговорить как-нибудь, утешить. Хотелось сказать, что это всё сущая ерунда. Я даже протянула руку, чтобы погладить его по плечу, но тут же себя одернула. Со мной творится что-то странное. Я хочу прикоснуться к людям.

Шаман уронил голову на руки и напряженно сопел. Может быть, думал о чем-нибудь или спал, или притворялся спящим. С него станется.

Все перемены я сидела рядом с Шаманом. Пыталась его разговорить. Хотя это больше походило на разговор с самим собой. Я шутила, задавала вопросы, и сама же на них отвечала, смеялась каким-то натянутым, неестественным смехом.

На перемене перед последним уроком Шаман вдруг сорвался и выбежал в коридор. Артур и его припевалы засмеялись. Я тоже встала и направилась за ним.

Я увидела его сразу же, как только вышла из класса. Он стоял рядом с какой-то старухой и что-то ей втолковывал на непонятном мне языке. Язык напоминал свист, шепот и шипение одновременно. Старуха отвечала ему в той же манере. Я, делая вид, что вовсе не подслушиваю, встала у окна и принялась усиленно рассматривать школьный двор. Там старшеклассники гоняли мяч.

Это, наверное, его бабушка пришла. Я искоса её рассматривала. Такая же странная, как и Шаман. Чувствуется в ней что-то такое. Холодно на неё смотреть.

Она стояла посреди коридора, такая маленькая и сухонькая, в ярко-красном пальто и теплой шапочке. На руках поблескивали серебряные браслеты, а к пальто была прицеплены брошка с изображением то ли медведя, то ли волка. Я не смогла рассмотреть.

Шаман с каждой секундой вскипал всё больше и больше. Он жестикулировал и чуть ли не слюной плевался. Странно, а в классе он такой тихий-тихий. Тут старушка хмыкнула и пошла в сторону кабинета Анастасии Ивановны. Она же её и вызвала. Шаман со вздохом поплелся за ней. А я со вздохом бочком-бочком пошла за Шаманом.

Анастасия Ивановна встретила бабушку Шамана рассерженно. С громким хлопком закрыла за ней дверь в кабинет. Всех учеников перед этим выгнала из класса.

Шаман сел на скамью напротив двери и, не мигая, уставился на неё. Я села рядом.

- Эй, а на каком ты языке разговаривал со своей бабушкой?

- Древнем. Ты его не знаешь.

- Не знаю, - я вздохнула. Я даже английский не знаю, не то что там какой-то древний язык.

Больше у меня не нашлось, чего у него спросить. Не выведывать же, почему он с бабушкой чуть ли не поругался. Наверняка из-за Анастасии Ивановны.

А в это время в кабинете что-то грохнуло. Анастасия Ивановна, пинком выбив дверь, вылетела из класса. Она понеслась в сторону туалетов.

- Я же просил бабушку ничего ей не делать, - прошелестел Шаман.

- Я не удержалась, - прокомментировала старуха, ниоткуда возникая рядом.

Браслеты на её руках побрякивали, а длинная юбка трепыхалась на ветру, поднявшимся неизвестно откуда.

Похолодало. Просто до дрожи. Я прижала к шее ладони, пытаюсь хоть как-то их согреть, но ничего не получалось.

- Согрей свою подружку, что ли, - предложила старуха Шаману. Тот пожал плечами. Наверняка подумал, что никакая я ему не подруга.

- Это из-за тебя ей холодно, - сказал Шаман. А потом ещё что-то добавил на этом странном шипящем языке.

- Ой-ёй-ёй, - рассмеялась старуха и направилась к лестницам.

- Не надо было все-таки ей приходить, - опять повторил Шаман.

Я утешающе положила ему руку на плечо. Ничего, и такое бывает.

После этого случая Анастасия Ивановна стала как будто бы не замечать Шамана. Даже на переключке его имя не называла. И в журнале по литературе у него стояли только одни пятерки. В классе стали поговаривать, что бабка Шамана просто-напросто подкупила учительницу по литературе. А Ленка предполагала, что старуха ей угрожала. Но Ленка та ещё выдумщица.

Утром я чуть было не опоздала на урок. Первым у нас была информатика – можно было потянуть. Вот я и перестаралась. Слишком долго шла к раздевалке, слишком вальяжно переодевалась. Даже шнурки завязывала дольше обычного. Ленка же забежала в раздевалку в последний момент – я как раз разбиралась со шнурками. Щеки и кончик носа у Ленки – ярко-красные, пылающие. На улице мороз. Шапка съехала набекрень, и сама она задыхалась. Бежала, наверное.

- Привет! – сказала я, но Ленка как будто бы меня не заметила.

Она протопала к дальнему концу раздевалки – подальше от меня – и сняла курточку. Я, одолев все-таки дурацкие шнурки на ботинках, встала рядом, дожидаясь, пока Ленка переоденется. Мы всегда друг друга ждали. Это правило.

Но Ленка на меня даже не смотрела. Уткнувшись взглядом в пол, она быстренько переоделась, натянула балетки и кинулась прочь из раздевалки. Я побежала было за ней, но остановилась. Ленка вела себя непривычно. Не по правилам.

Обычно она так делала, когда обижалась. А обижалась она часто. Почти каждый день. Я иногда поражалась её умению выискивать всякие неприятные для себя вещи. Это же надо так умудриться.

Я опоздала на урок. Учительница отчитала меня и заставила стоять в коридоре добрых десять минут в наказание. Я даже не помнила её имени, но возненавидела люто.

Мне все-таки разрешили зайти, и я села рядом с Шаманом. Учительница объяснила что-то – это я радостно прослушала, дала задание сделать презентацию к дню учителей и ушла в учительскую.

Шаман даже не притрагивался к компьютеру. Как будто бы боялся, что тот взорвется.

- Ну и чего ты не включаешь? – компьютер у нас был один на пару.

- Я не знаю, как это делается, - ответил Шаман и отвернулся к окну. Ишь какой важный. Пришлось мне всё делать за него. Он категорически отказывался дотрагиваться до «этой дурацкой техники».

Правда, мне все-таки удалось заставить его написать одно предложение в самом начале презентации. Делал Шаман это ужасно медленно. Как будто бы клавиатуру ни разу в жизни не видел. Он заносил над клавишами один палец и долго выбирал, куда же его поставить. Потом тыкал в нужную букву и снова заносил свой палец с длинным черным ногтем.

- Ты так целую вечность будешь печатать, - пробормотала я. А ещё почему-то компьютер нещадно зависал. Да, конечно, у нас не самые новые модели и вообще. Но вроде бы до этого они нормально работали. А тут беда какая-то.

- Сама тогда делай, - Шаман отстранился от клавиатуры, уступая мне. Уж у меня всё пошло, как по маслу.

- На меня что-то Ленка дуется, - пожаловалась я.

Шаман промолчал.

- И главное, я не знаю, на что именно. Она так часто на меня обижается, что уже даже перестала этому удивляться. Но сегодня и вправду нет никаких причин.

Мне и самой стало из-за этого обидно. Чего вечно обижаться-то? Как будто бы мы не друзья.

- Она тебе дорога? – вдруг спросил Шаман.

- Очень.

- Ну ладно.

- А почему ты спросил?

- Да просто так.

Я подозрительно прищурилась, но ничего не сказала. Шаман никогда не спрашивал ничего просто так.

В конце урока наш компьютер просто-напросто выключился. Как раз перед тем, как я собиралась сохранить презентацию. Я чуть не взвыла на весь класс.

Ленка искоса на меня посматривала, но говорить ничего не говорила. Я смотрела на неё в ответ, но она тут же отводила взгляд. Какое-то странное ощущение поселилось у меня в душе. Что-то такое непонятно, что даже не объяснить. Противное и скользкое.

- Знаешь, мне надоело уже, что ты всё время обижаешься. Это ни в какие ворота не лезет, - сказала я Ленке. Та отвернулась и принялась переключать учебники в сумке.

- Ну чего ты дуешься? Что я опять не так сказала? – я начинала злиться. Ленка иногда действительно перегибает палку. Она продолжала рыться в сумке.

- Что случилось? – опять спросила я и подошла поближе. Ленка на меня не смотрела. Она почему-то покраснела до кончиков ушей и готова была вот-вот заплакать.

- Что случилось? – пробормотала я и дотронулась до её плеча. Она дернулась, скидывая мою руку.

- Извини меня, если я что-то сделала не так. Я не хотела тебя обидеть. Я хочу, чтобы мы опять стали хорошими подругами, какими мы всегда были. Мы же всегда миримся. И в этот раз мы тоже помиримся. Так что, прости меня. Мир? – я протянула ей мизинчик. Ленка прекратила рыться в сумке и

теперь стояла, опустив руки и склонив голову. Длинные спутанные волосы закрывали её лицо. Она ничего не отвечала. Нижняя губа подрагивала.

- Эй, я знаю, что виновата. Но, блин, прекрати уже, - я не могу это терпеть. Невыносимо.

И такие сцены Ленка устраивает чуть ли не каждые три дня. Прямо как на заказ.

Я уже было собиралась вернуться на свое место, разозленная и взвинченная, как меня окликнул Артур:

- Слышь, она просто общаться с такой, как ты, не хочет.

- Тебя вообще не спрашивали, - ответила я. Вечно он везде влезает. Вот ничего без его комментариев не происходит.

- Ага, как же. А ещё от тебя воняет, - ребята за спиной Артура засмеялись. Мне вдруг стало стыдно. Я чуть было не расплакалась. Вот вечно так. Вечно-вечно-вечно так. Все неприятности наваливаются в один момент.

Ленка, которая меня раньше всегда защищала, теперь делала вид, что она ничего не слышит и не видит. Даже когда она обижалась, то вступалась за меня. Не понимаю, что я такого сказала, чтобы настолько сильно её обидеть.

- Ленка, - протянула я умоляюще. Уж она-то за пояс их заткнет, будь здоров.

- Она не будет защищать такую, как ты. – Артур подошел к Ленке и приобнял её за плечи. – Она теперь с тобой больше не общается. Ты ведь с Шаманом знаешься. Ты ей больше не нужна. Скажи это ей, Ленка.

- Да, мы больше не подруги, - тихо прошептала Ленка.

Ага, вот значит как. Испугалась Артура и поэтому предала подругу. И теперь не смеешь даже заговорить со мной? А мы ведь пять лет дружили. С самой начальной школы. И всё время друг к другу в гости ходили и ни разу День

Рождения друг друга не пропустили. Я всегда дарила Ленке обожаемые ею сладости. А она мне – книжки.

- Предательница, - прошипела я Ленке. Та пожала плечами.

Артур загоготал. Затрясся всем своим массивным телом. Даже пуговка на пиджаке отлетела.

- Ненавижу, - выплюнула я. Голова у меня как будто бы затуманилась. Глаза заволокло какой-то странной дымкой. Я чувствовала буквально кожей, как все в классе смотрят на нас. Слышала, как они нас обсуждают. Почти понимала все их мысли.

В какой-то момент это стало настолько невыносимым, настолько удушающим, что я схватила первый попавшийся учебник со стола и запустила в Артура. Тот увернулся.

- Привет! – сказала я и плюхнулась рядом с Шаманом. Тот кивнул мне и спрятал в нагрудный карман какой-то странный, но жутко красивый предмет. Что-то вроде кулона, да я не разглядела.

- Что это у тебя там? Дашь посмотреть?

- Если ты только хочешь, чтобы мы поженились, - тихо ответил Шаман и почти не слышно рассмеялся. Так шелестит ветер и шумят кроны деревьев.

- Ты впервые улыбнулся при мне, - заметила я. Да и вообще в школе. Обычно Шаман насупленным сидит. Вот-вот на кого-нибудь кинется и укусит.

Шаман ничего не ответил. Он вообще не любил разговаривать. Да и людей, наверное, тоже.

- У тебя красивая улыбка, - протянула я. Не понимаю, зачем я это сказала. Просто захотелось. – Улыбнись ещё раз.

Шаман замотал головой.

- Ну, улыбни-ись! – попросила я ещё раз. – Чего тебе стоит. Всё равно улыбка ужасно красивая.

- Неправда, - забормотал Шаман. Но против воли всё равно улыбнулся. От смущения.

Я победно хлопнула его по плечу. Так ему и надо.

Странно, но мне стало как-то легче. Как будто бы камень, придавливавший меня со вчерашнего дня, куда-то подевался. Я вздохнула и закрыла глаза. Так хорошо.

Анастасия Ивановна с увлечением рассказывала что-то об эпохе романтизма. Она обмахивалась учебником литературы, словно веером и картинно закатывала глаза. Ей нужно было в актрисы идти, а не в учителя.

Шаман снова достал свой кулон - теперь я была уверена, что это он. Голубоватый камешек, оплетенный веточками и золотистыми нитками. Шаман вертел его в руках, не оставляя ни на секунду.

- Может быть, все-таки расскажешь, что это?

- Может быть, и расскажу.

И снова шелест деревьев, шум ветра, крик далеких птиц над головой и темно-серые облака, повисшие так низко, что можно подпрыгнуть и дотянуться рукой. Все эти ощущения захлестнули меня, завертели, закружили. Как будто бы какой-то невидимый поток поднял меня под потолок и понес куда-то туда, где я и сама не ожидаю оказаться. Голос у него мягкий, вкрадчивый. Как будто бы рысь ступает мягкими лапами по еловым веткам.

- Жених и невеста, жених и невеста! Тили-тили тесто! Тили-тили тесто! – пропел Артур.

Шаман отпрянул от меня и спрятал кулон в кармане брюк. Все эти волшебные ощущения пропали, как лопатой по голове пропали. Я повернулась к Артуру и показала ему фигу. Тот картинно изумился и потянул руку, приговаривая:

- Анастасия Ивановна, Анастасия Ивановна, а мне Дина фигу показала.
Анастасия Ивановна!

В итоге меня выгнали из класса. Когда я выходила, Шаман даже не смотрел на меня. Всё вертел и вертел в руках свой кулон.

Стояла я в коридоре недолго. Но и то, за это время успела жутко соскучиться. Я и на диванчиках посидела, и поковыряла пальцем дырку в стене – из неё сыпалась штукатурка. Если долго ковырять, то палец станет полностью белым. А потом можно и слизать всё это великолепие. Успела посмотреть в окно. Там опять на заднем дворе школы играли в футбол старшеклассники. Как будто бы им делать больше нечего. Успела ещё три раза обойти коридор и один раз сходить до туалета.

Анастасия Ивановна открыла дверь и приказала мне заходить. Я послушалась. Ненавижу Артура. Так бы и задушила его. Или ещё что-нибудь похуже сделала. Я ещё не придумала.

Шаман больше со мной не заговаривал. И на мои вопросы не отвечал. Предатель. Такой же, как и Ленка. Я тоже не буду с ним заговаривать. Сдался он мне.

На следующий день я проснулась очень рано. Просто лежала в кровати и не хотела идти в школу. Это желание полностью сковывало меня, не давало двигаться и даже дышать.

Там меня ничего хорошего не ждет. Опять этот виновато-презрительный взгляд Ленки, смех Артура, молчание Шамана. Не хочу. Не буду.

Я зарылась головой в подушку. Хотелось или расплакаться, или заболеть.

Но в школу идти всё равно пришлось. Маме было наплевать, что у меня якобы температура и якобы болит живот. Она сказала, что я девочка крепкая, не умру. Да и если я умру, она всегда сможет ещё родить. Убедила.

Я тащилась в школу медленно-медленно. На улице уже совсем похолодало, выпал снег. Я ломала лед на каждой встречной луже. Пинала снег. Ловила ртом снежинки. И опоздала на математику. Пришлось извиниться перед учителем и тихонечко пройти на своё место. На меня все смотрели. Изучали. Как будто бы я червяк какой-нибудь, заспиртованный в бутылке. Прелюбопытнейший экспонат.

Я спряталась за учебниками и легла на парту. Вот бы домой.

Шаман сидел рядом. Смотрел в окно. Наверное, ему также неуютно и странно. И тоже хочется домой. Я было повернулась к нему, чтобы спросить, как у него дела и вообще как день прошел, но вспомнила про издевки Артура и остановилась. Не хватало мне ещё, чтобы меня из-за этого дразнили. Да и Шаман сам не хочет со мной общаться.

Со мной никто не хочет общаться. И никому я не нужна.

Математика тянулась медленно. Меня несколько раз вызвали к доске.

Шамана тоже. Учительница как будто бы особенно полюбила именно нашу парту.

Шаман, оказывается, совсем не умеет считать. Он вышел к доске и написал какие-то цифры наугад. Но его даже похвалили. Наверное, за то, что он вообще оторвал свою задницу от стула.

После математики Артур подошел к нашей парте и начал что-то выяснять у Шамана. Опять издевательски смеялся. Впрочем, я не слушала. Наблюдала за Ленкой. Как та разговаривала и смеялась с другими девчонками из нашего

класса, не со мной. Предательница, предательница, предательница. Я её презираю.

Вдруг Артур дернулся ко мне, схватил мой рюкзак и со всего размаха выбросил его в окно. Я чуть ли не выпрыгнула вслед за ним, но Шаман удержал меня за руку. Я вырывалась и кричала что-то невразумительное. Там же телефон, деньги, ключи! Мама мне голову оторвет, если я что-то из этого потеряю!

Рюкзак упал на землю с глухим стуком. Все тетрадки, учебники, ручки и карандаши рассыпались по снегу. Я кинулась к выходу. На глаза наворачивались слёзы.

Весь класс надо мной смеялся.

Я побежала вниз, за рюкзаком, но не выдержала и разревелась. Пришлось идти в туалет умыться. По дороге мне встретился какой-то мелкий паренек. Класс эдак четвертый или третий. Он налетел на меня и ужасно тонким голоском пропищал:

- Не плачь, а то рано состаришься!

От этих слов я разрыдалась только сильнее. Всё казалось ужасно несправедливым. Это не должно быть со мной. Просто не должно. Я ничем такого не заслужила. На самом деле, всё это из-за Шамана. Из-за того, что я с ним заговорила. Всё из-за него. Он во всем виноват.

Я дошла до туалета и плюхнулась прямо на кафельный пол. Успокоиться не получалось. Я плакала так, как не плакала никогда в своей жизни. Ещё и эта Ленка. Жалкая предательница. Я их всех ненавижу. До слёз.

Я легла на пол и обняла себя за плечи. Потихоньку перестала плакать. Не смогла больше. Слёзы, наверное, кончились. Я лежала так довольно-таки долго. На полу холодно, и ноги у меня озябли.

Мне тогда впервые захотелось умереть.

Я лежала на полу, а мой рюкзак на улице в сугробе.

Кто-то пришел. Я вскочила с пола, на ходу приглаживая волосы и вытирая слёзы. Стало стыдно. Разлеглась тут, разревелась. Жалкая и абсолютно никчемная девчонка.

Это был Шаман. Он стоял в дверях женского туалета, засунув руки в карманы, и мялся. Смотрел на носки своих ботинок, заляпанные чем-то зеркала, проржавевшие батареи, сколотые плитки, приоткрытые дверцы кабинок, только не на меня. А потом вдруг протянул мне платок и пробормотал:

- Держи.

- Спасибо.

Почему-то мне захотелось кинуться ему на шею. Он переживал обо мне. Через полгода у меня будет День Рождения, и я обязательно его позову. И он не открестится, придет. Куда денется-то от меня.

- Ты сильно расстроилась? – Он все ещё стоял в дверях туалета.

Я кивнула.

- Было ужасно, когда Артур выкинул мой рюкзак. А ещё все смеялись. Даже Ленка. А мы ведь с ней подруги были. Дружили с пятого класса! На Дни Рождения всегда друг к другу ходили!

Мне захотелось рассказать Шаману всё-всё-всё.

- Может быть, пойдем уже отсюда? А то как-то неудобно, - Шаман переминался с ноги на ногу.

Я рассмеялась. И на душе стало легко.

- Пошли мой рюкзак заберем.

Шаман согласился. Он оставался всё таким же молчаливым и непонятным, но всё же что-то изменилось. Может быть, мы стали друзьями. Может быть, ещё произошло что-нибудь такое, чего я просто-напросто не заметила.

Мы взяли курточки в гардеробе и вышли на улицу. Крупными хлопьями шел снег. Похоже на сказку. Я разыскала свой рюкзак и тетрадки в сугробе – их успело уже изрядно припорошить снегом. Тетрадки и учебники насквозь промокли. Придется новые покупать. Шаман помог мне собрать всё в рюкзак и даже донес его до школы. Почему-то смущался.

Артур сверху заметил нас и прокричал что-то в открытую форточку. Наверное, опять заладил своё «жених и невеста». Я оглянулась на Шамана. Тот вроде бы не обращал внимание. И хорошо. Нечего на такую ерунду внимание обращать. А этот Артур у меня получит своё. Я его рюкзак тоже в окно выкину. Или в унитаз смою. Он сам у меня будет в туалете рыдать и на коленях валяться, чтобы я его пощадила.

- Ты улыбаешься, - сказал Шуман. Его голос – шелест травы.

- Да?

- Успокоилась, значит.

- Мне полегчало. Правда, тетрадки и учебники все вымокли. Перед мамой придется оправдываться. Но я думаю, что что-нибудь придумаю. Мне не впервой.

Через урок я вернулась в класс. Одноклассники как-то странно косились на нас с Шаманом, шушукались, но мне было всё равно. Или мне хотелось, чтобы было всё равно. Пусть шушукаются, обсуждают. Надо же им о чем-то посплетничать.

У Шамана тонкие длинные пальцы. Похожи на веточки деревьев. Он любит сидеть, сложив их на коленях. Сегодня я впервые заметила, насколько у него красивые руки.

Артур больше ничего не говорил. Я ждала чего-то, но это что-то так и не произошло. Тревога, поселившаяся внутри, не желала отступить. Мне всё казалось, что это только начало. Они сделают что-нибудь похуже.

Обязательно сделают. Но у меня теперь есть Шаман. Он меня утешит. И, может быть, защитит. Я надеюсь на это. Правда-правда.

Мой стул был залит клеем. Пахло неприятно. Артур постоянно оглядывался на меня и хихикал, прикрывая рот ладошкой. Выпендрейник. Я закрыла глаза, едва сдерживая слёзы. Опять это повторилось. Снова.

Потом я почувствовала, как кто-то дотронулся до моей руки. Я открыла глаза. Это был Шаман. Он как будто бы говорил: «Да не переживай ты насчет этих идиотов. Всё будет хорошо». Мне очень-очень хочется в это верить.

Я достала из сумки салфетки и попыталась убрать клей. Шаман помогал мне, чем мог. Тоже присел рядом и тёр изо всех сил. Он был так близко, что я почувствовала, какая теплая у него кожа. Кулон из странных веточек покачивался у него на шее.

- С ними ничего хорошего не случится, - прошипел Шаман.

Оттереть стул нам так и не удалось. Пришлось тащить этот в конец класса и нести новый. Этот новый стул был ужасно низкий, и парта теперь доходила мне чуть ли не до подбородка. Я лилипут в стране великанов. Шаман засмеялся, тихо, почти беззвучно. Я повернулась и погрозила ему пальцем. Нехорошо так.

Следующий урок – это был английский – у нас отменили. Сказали посидеть в библиотеке, чтобы никому не мешать. Но Артур, конечно же, не хотел не мешать. Он просто рожден для того, чтобы портить людям жизнь. Он с компанией, к которой зачем-то присоединилась Ленка, отправился в магазин неподалеку от школы. Шаман, как услышал об этом, расплылся в странной, жутковатой улыбке. Как будто бы задумал что-то.

- Чего ты? – спросила я.

- Скоро узнаешь, - пообещал мне Шаман. Он перебирал в руках кулон и выжидающе смотрел в окно библиотеки. Точно хищник перед прыжком.

По спине у меня прошел холодок. Да и вообще, рядом с Шаманом стало как-то холоднее.

Всё это время я читала книжку, которую взяла в библиотеке. Шаман сидел рядом, и всё дергал и дергал свой кулон. Как будто бы других занятий не нашлось.

Пошел снег. А потом прозвенел звонок. Я успела дочитать до середины – книжка-то маленькая. Сдала обратно в библиотеку, надо будет потом как-нибудь домой взять почитать.

А Артур с компанией так и не вернулись. Ни на третий урок, ни на четвертый. Ни даже завтра. Родители стали бить тревогу вечером, когда те не вернулись домой. Учительница обзвонила всех наших родителей, спросила, всё ли с нами в порядке и все ли на месте. Все на месте. Кроме той компании. Мне почему-то вспомнилась улыбка Шамана, его нервное перебирание кулона.

Мама испугалась. Обещала, что утром меня проводит до школы. А то мало ли, вдруг маньяк какой-нибудь. Хотели уже было звонить полиции, но так и не позвонили. Потому что ребята нашлись. Они бродили вокруг школы, ни живые, ни мертвые и не могли найти дороги. Не видели друг друга, находясь

совсем близко, и звали по именам. Хуже всего пришлось Ленке. Она совсем выбилась из сил, кружа возле забора всю ночь. Она охрипла и продрогла. Её нашли плачущей и лежащей на земле.

Всю последующую неделю шло разбирательство. Артур, Ленка и его припевалы в школе не появлялись.

Я опять следила за ним после школы. Он тайна, которая не дает мне покоя. Я не могла просто оставить это. Хочу разгадать, узнать ответ.

Артур больше ни меня, ни Шамана не трогал. Он ходил очень мрачный, почти ни с кем не разговаривал. Ленка тоже. Она старалась держаться рядом с Артуром и лишь иногда злобно на меня зыркала. Как будто бы я во всем этом виновата.

Шаман, напротив, был очень доволен. Постоянно улыбался чему-то, глядя в окно. Я не раз спрашивала его, о чем он думает, но он молчал. Это лишь подогревало мой интерес.

Но мы стали больше разговаривать. Один раз – о, я это запомнила надолго и, наверное, буду помнить всю жизнь – он сам первый спросил, как у меня дела. Я так тогда удивилась, что даже не смогла толком ответить. Пробормотала только, что всё вроде хорошо. Никто не хворает. И кошка моя толстеет изо дня в день. Шаман важно кивнул. Видимо, ему действительно было интересно это узнать.

И вот я опять слежу. Не знаю зачем. Мы вроде бы даже подружились. Наверное, он сам потом должен мне все рассказать. Или я просто придумываю, и нет никакой тайны.

Он шел по заснеженной дороге к лесопарку. Из рта вырывались облачка пара. Шаман замотался шарфом по самые глаза, и лишь рот оставался неприкрытым.

У меня замерзли руки. Вечерело и холодало. Наверное, надо было возвращаться домой, но я почему-то продолжала следовать за Шаманом. А тот как будто бы знал, что за ним слежу. Специально поджидал меня на поворотах и шел медленно-медленно. Может быть, он хочет мне что-то показать.

Вдруг Шаман остановился. Мы уже зашли в лес. Вокруг никого не было. Только скрипели огромные сосны, да покачивались из стороны в сторону ели.

Я моргнула и вдруг обнаружила, что никакого Шамана рядом нет. На его месте стоял олень. Самый настоящий. Это не показалось мне удивительным. Так и должно быть. Я потом буду охать и ахать.

Олень оглянулся на меня, а потом внезапно сорвался с места. Я побежала за ним. Задыхаясь и путаясь в сугробах, я всё равно пыталась его догнать.

- Остановись, пожалуйста, - кричала я. – Подожди меня.

А олень всё несся и несся вперед. Как будто бы хотел измотать меня, поиздеваться. Это в духе Шамана. Он обожал издевки.

Вдруг олень остановился. Я еле-еле добежала до него и остановилась, пытаюсь отдышаться. От бега я вся покраснелась, и шапка ко лбу прилипла.

- Так вот ты какой, - сказала я.

Олень опять на меня посмотрел. Такой же грустный и внимательный взгляд.

- И поэтому ты в школе не появлялся?

Шаман не отвечал, но мне и не нужно было его слышать. Я знала.

- И это не единственное, что ты умеешь, да?

С сосновой ветки сорвался снег. Вспорхнула птичка.

- И с Артуром ты всё провернул?

Олень вздохнул, переминаясь с ноги на ногу.

Я сняла варежку и протянула к нему руку. Может быть, он сейчас убежит. Полюбовалась колдовством и хватит. Я же ему не друг. Совсем не друг. Так, надоедливая девчонка, которая следит за ним после уроков.

- Мы хоть стали друзьями? – вырвалось у меня.

Олень протянул ко мне морду и позволил себя погладить.

Потом он склонился передо мной, как будто бы приглашая залезть на него.

- Точно можно? Правда?

Олень не поднимался.

Я неуклюже взобралась ему на спину. Рюкзак и сменку я оставила валяться в сугробе поблизости. Потом заберу.

Я обхватила Шамана за шею. Он ринулся вперед.

Я кричала. От страха, восторга, радости, счастья. А олень всё несся и несся вперед. Ветки царапали его бока, хлестали меня по лицу. Но мы не обращали на это внимания.

Мы вместе. Вдвоем.

Блестел снег.

Тюленева Алена,

г. Северодвинск, Архангельская область

«Незабываемое путешествие Кокоры на Севере»

«Глазу неприметное – да внутри светится...»

Жил был один купец Новгородский по имени Кокора. И отправился он в край пушной - Северный на своем корабле для торговли. Плыл долго, по рекам разным, по городам и селам, да в конце своего похода заплутал маленько...

Место кругом дикое, неведанное. Река порожистая, бурная наделала делов – пробила дыру в корабле Кокоры. Пришлось пристать ему к берегу.

Оглянулся Кокора кругом – лес. Предь ним - три горы стоят. Высадился он со своими помощниками на первой горе – отдохнуть да и переночевать. Повечеряли и спать уложились.

Ночью проснулся Кокора и видит - над рекой ярким светом зеленым переливается все небо. Никогда он такого досель не видывал. Как простыня по небу ветром колыхается свет, то зеленый яркий, то бледный, то светлый. Что за чудеса! Долго смотрел на небо Кокора, да опосля и заснул.

На вторую ночь решили ночевать на второй горе. Повечеряли и спать уложились. Проснулся Кокора и в эту ночь. На небе звезды да луна яркая. Не спится Кокоре. Спустился он с горы в низину, а там глядь – кругом повсюду оранжевые кружочки на листочках сидят. Сыро под ногами, мокро. Подошел Кокора поближе и сорвал кружочек да попробовал на вкус. Сочная, вкусная, что за «штука» такая на болоте выросла... Набрал Кокора в ладошку и прозвал ягоду «Мокрошка», раз на мокром месте растет.

На утро, проснувшись, рассказал своим помощникам о чудной ягоде да попросил собрать в бочонки с собой на корабль. От безделья решил Кокора бросить в реку сети, а вдруг что и поймается. Вытащил опосля.....а там рыба в сетях, да сней и камни черные полукруглые ... Наказал Кокора уху сварить к вечерне из рыбы.

Стали Кокора с помощниками рыбу кушать, а глядь - рыба то изнутри красного цвета, что за чудеса такие..... Пришлась по вкусу Кокоре этакая рыба. Повечеряли да спать уложились.

Снится Кокоре сон в третью ночь да на третьей горе. Будто бы этакая красная рыба ему и говорит: «Ты Кокора камешки черные из сети достань да побереги их, они тебе службу добрую сослужат, только знай, польза камешек внутри» и уплыла в реку...

Настал день отплытия на поиски дороги домой. Вспомнил Кокора про сон, вытащил камешки из сети, поклонился он трем горам за чудеса невиданные и собрался в путь....

Плыл долго Кокора, плутал, да дорогу к дому нашел..... Вернувшись рассказал о своем путешествии купцам своим... Про дивный край, где с виду леса непролазные, звери дикие, да холод, а внутри - этакая красота невиданная, да не пробованная, да загадочная...

Вот только с камушками, с той сторонки, привезенных, не знал что делать. И так по крутит, и так по стучит. Раз Кокора стукнул по сильнее, а камушек и дал трещинку. Раскрыл он этот черный неприметный камушек, а там горошинка перламутровая переливается – жемчужинка внутри!!!

Сколько не ходил Кокора по рекам в ту сторонку северную, так и не мог разыскать Край чудесный. До самой старости вспоминал Кокора северное сияние, морошку, рыбку красную да жемчуг речной...

Елизавета Кранина, Крым, г. Ялта

Бербе и Баруси

В ту ночь было слышно только шептание звёзд и хруст поленьев в чуме. Произошло что-то невиданное. Произошло чудо. А начиналось все так.

Снежные равнины ослепляли в солнечный день. Снег под ногами таял от горячей воды. От солёной горячей воды, обозначающей настоящую горе.

- Барбэ, хватит лить слёзы. Хорошо, что тебя отец не видит. Если увидит - станет худо.

У чума сидела женщина и нежно обнимала сына.

- Барбэ, ты мужчина. Ты будущий хозяин всего, что мы имеем.

- Почему Сырада-нямы* отняла бабушку? - мальчик взглянул на мать так, словно она может собрать время в мешочек из оленьих шкур и подшить под парку.

- Мать подземного льда забрала Иту, потому что время ушло. Из-за этого не стоит лить слёзы. У нас время уходит, у оленей время тоже уходит, и у птиц, и у рыб.

День был солнечный, но печальный. Печальный для всех: отца, матери, сестёр этой большой семьи. Только вот один Барбэ не мог перестать плакать. Больше никто из них не лил слёзы.

- Ты как Баруси*, глупый, глупый Баруси. Можешь жить с ними, если хочешь всегда горевать.

Мать встала, проводила взглядом белое облако, уходящее за такой же белый горизонт и зашла в чум.

Мальчик всхлипывал, утирая слёзы варежками из оленьей шкуры. Тогда в его голову и пришла мысль. Казалось, это лучшее, что могло бы случиться.

Барбэ двинулся в дорогу. Туда, где обитают Баруси. Он же один из них.

Так всегда говорит отец - "Баруси, по сравнению с тобой, - благословение".

Так говорят и сёстры: "Ты как Баруси! Просто не мешай нам, Баруси".

Мама тоже: "Глупый, глупый Баруси". Даже бабушка изредка качала головой, улыбалась и бормотала "Мой баруси". Он просто хочет быть собой. Не Барбэ, будущим "хозяином", а тем, что есть сейчас. Он Баруси, Баруси, Баруси...

Леса Сибири заключали в свои объятия. Снег скрипел под тяжелыми сапогами мальчишки, пытающегося разглядеть небеса за широкими ветвями елей и пихт. Ноги несли куда-то дальше, глубже, становилось темнее. Так день перетекал в вечер, а вечер перетекал в ночь. Мгла подступала ближе, мороз крепчал. Кичеда нямы* теперь властвовала на всем.

Барбэ, съжившись, прислонился в ближайшей ели. Силы давно иссякли.

Мальчика сковал страх, но он вышел из-за дерева. Медленно переставляя ноги и почти не дыша.

- Баруси... - вырвалось у него само по себе.

Странное существо было перед ним. Мальнькое, круглое туловище цвета спелой брусники. Одна рука. Одна нога. Голова, не имеющая волос с одним глазом и широким ртом.

В преданиях так и описывали Баруси.

- Кто ты? - спросило существо. Словно зашумела осенняя листва, опадая на промерзшую землю.

Барбэ в любой момент был готов бежать, но выпрямился и ответил уверенно, как учил отец.

- Я мужчина, я нганасан! Барсэ!

Баруси засмеялся. Пением птиц по наступлению весны. Заливисто и звонко.

- Нганасан - это няа. Няа означает товарищ... А Барсэ? Барсэ - хозяин, ведь так?

Мальчику стало тепло, как в чуме. И на душе тоже стало тепло, словно он помогает матери и слышит залиvistый смех сестер.

- Я помогу тебе, покажу дорогу сюда твоему отцу. Но пока он не приехал, ты должен говорить со мной, а звать я тебя буду Тюрку Сейме, за твои большие глаза.

Не помнил Барбэ о чём говорил с Баруси. Помнил только, как его нашли, как привезли домой и как мать всю ночь плакала, обнимая его. И как тепло было в их чуме. И телу, и душе.

* Баруси - сверхъестественное существо, не являющееся олицетворением никакого рода вещей

* Сырада-Нямы - Мать Льда

* Кичеда нямы - покровительница ночного времени суток